

9(с18) 22

П 24

6

9(с18) 40793

П 27 ИСТИПАРТ

ЛД

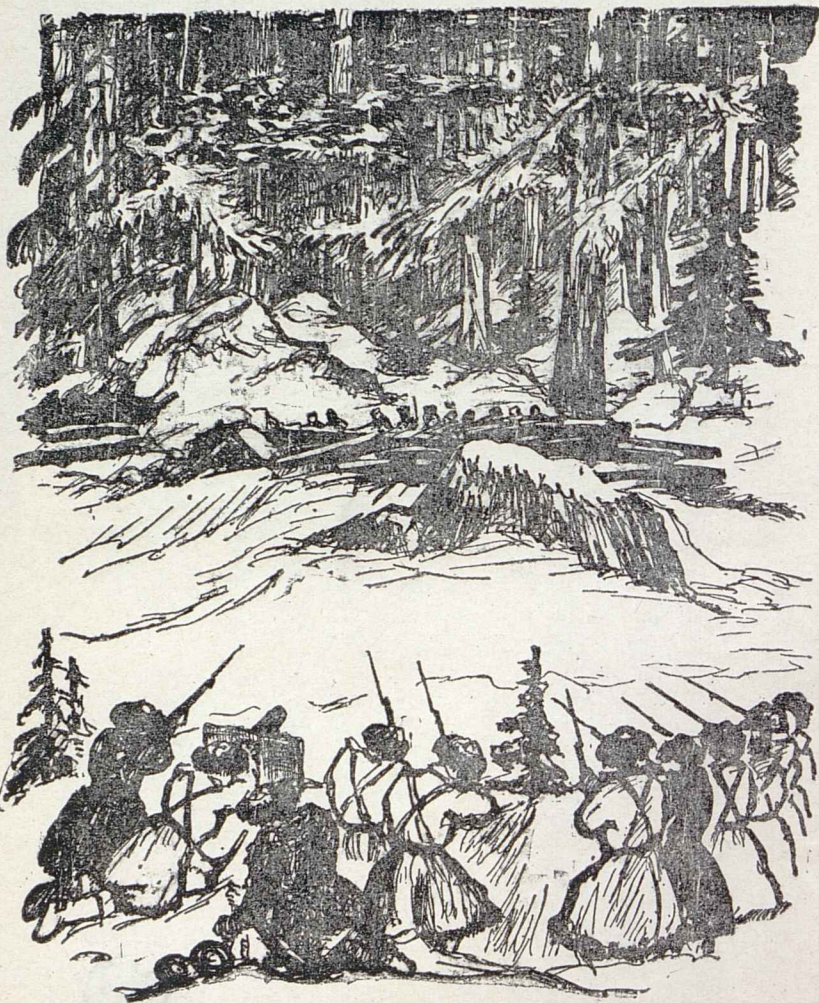
ЛЕНИНГРАДСКОГО
КОМА ВКП(б)

М. ПЕРЕВАЛОВ

ТАЕЖНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

ОГИЗ — МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
1933

9/с18/
Л 27

№10793

9(с18)22
П 27

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

М. ПЕРЕВАЛОВ

ТАЕЖНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

1468

Инвентарный
опись под №
Партерхив Горно-Алтайского
обкома КПСС

Оглавление

	стр.
Предисловие	5
Глава первая. Октябрь в Итате	8
„ вторая. Начало интервенции	14
„ третья. Маринский фронт	18
„ четвертая. Бои с чехами	23
„ пятая. В глухой тайге	29
„ шестая. Расправа	31
„ седьмая. И палки стреляют	38
„ восьмая. В тайге	41
„ девятая. Террор	45
„ десятая. Белое озеро	47
„ капитан Тродский	50
„ в Поваренкове	55
„ одиннадцатая. На соединении с Красной армией	60
„ Обь-Енисейский канал	62
„ В походе на лыжах	64
„ Дедушка Константин и бабушка Марья	66

Обложка работы худ. Берендгоф
Фронтиспис работы худ. Истомина
Редактор Кирстен Техредактор А. Новикова
Сдано в производство 19/VIII 1933 г. Подпи-
сано к печати 15/X 1933 г. МГ—3902. Инд.
Д-1. Формат 82 × 111¹/₃₂ 4¹/₂ печ. л. 77 440 зн.
в печ. л.

Уполном. Главлита Б—32811.

Зак. 1331. Тираж 30 000.

18-я типография треста «Полиграфкнига».
Москва, Варгунихина гора, д. 8.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сибирское повстанчество еще ждет своего историка. Десяток сборников, несколько статей, носящих случайный характер и разбросанных в различных журналах,— и это все, чем отражено в нашей литературе партизанское движение в Сибири.

И потому тем большего внимания заслуживают воспоминания т. Первалова, одного из активнейших бойцов против колчаковцев и интервентов.

Отряд, сформированный им, был невелик и по своему удельному весу в ходе борьбы с белым движением в Сибири уступал значению отрядов Яковенко, Кравченко, Щетинкина и др. И потому интерес воспоминаний т. Первалова не в отображении им тех или иных удачных и неудачных стратегических и тактических маневров его маленького отряда, а в воспроизведении той социальной обстановки и условий, в которых шла вооруженная борьба и развивалось классовое расслоение сибирского крестьянства, одним из непосредственных результатов которого явилось сибирское повстанчество, оказавшее под руководством партии столь мощную поддержку Красной армии в разгроме Колчака.

О том, насколько существенна была эта поддержка, свидетельствует результат боев в сентябре 1919 года на реке Тоболе. Измотанная непрерывным преследованием разгромленных под Уфой, но все еще оказывающих сопротивление колчаковцев, 5-я советская армия в начале сентября остановилась у реки Тобол и под ударами подошедших свежих колчаковских частей начала с тяжелыми потерями отход на запад.

Рассчитывать на подкрепления не приходилось. Деникин в то время шел к Орлу, Юденич наступал на Ленинград, и все резервы Красной армии были брошены туда.

На восточном фронте создавалось угрожающее положение. Белые уже предвкушали неминуемый разгром советской армии в Сибири. Тогда красное командование объявило мобилизацию в бывшей Челябинской губернии, и, несмотря на то, что никакого принудительного аппарата в распоряжении отступавшей 5-й армии не было и объявленная мобилизация по существу носила исключительно добровольный характер, — несмотря на это, крестьянство Челябинской губернии дало 5-й армии за две недели до двадцати пяти тысяч бойцов, создавших резкий перелом на фронте.

Но было бы грубою ошибкой предполагать, что движение сибирского крестьянства против белой диктатуры являлось движением неорганизованным, стихийным. В действительности оно не только находилось под руководством коммунистической партии, но и было создано ею.

В большинстве сел началу повстанчества предшествовала напряженная организационная работа, проведенная по директивам иркутского и томского большевистских подпольных центров сельскими коммунистическими ячейками, руководящую роль в которых играли железнодорожные рабочие-партийцы, скрывавшиеся в деревнях от преследования колчаковцев, и фронтовики.

В районах с наиболее сильно выраженным партизанским движением — Енисейском, Минусинском и Алтайском — руководили им коммунисты, возглавляя как отдельные отряды, так и их штабы (Яковенко, Мельников, Щетинкин, Щербинин, Бич, Жигалин и др.).

В Забайкалье всеми действиями руководили старые большевики — гг. Постышев, Трилиссер, Бойко-Павлов и др. Так было на всем громадном фронте сибирского и дальневосточного красного повстанчества.

Но коммунистическая партия не только создавала армию и отряды партизан и не только вела их в бой против колчаковцев и интервентов. Ведь наш пролетариат не добился бы окончательной победы в своей стране, на восемьдесят пять процентов крестьянской, без классового расслоения деревни и создания себе союзника из трудовых крестьянских масс.

И на коммунистическую партию в Сибири легла исторической важности задача — помимо организации повстанчества способствовать ускорению процесса классового расслоения деревни и организационного оформления его, задача, особенно трудная в своеобразных условиях сибирской действительности, при антагонизме между старожилками и новоселами-поселенцами.

Автор настоящей книги не вскрывает истоков этого процесса расслоения, но и то, что вспоминает он из области борьбы с кулацкими «дружинами» его отряда, сформированного из середняков и бедноты, дает понять читателю о напряженности классовых боев в тот период не только в городах Сибири, но и в ее деревнях.

И в этой части воспоминания т. Перевалова представляют наибольший интерес.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Октябрь в Итате

На восток от небольшого грязного городишка Мариинска вдоль железной дороги раскинулось старожильческое село Итат. В далеком прошлом мимо него по Сибирскому тракту прошагала, поднимая пыль или проваливаясь в сугробах снега, не одна тысяча ссыльных и каторжан.

Помнят еще старики арестантские партии, звон кандалов, серые халаты, изможденные лица и бритые лбы. Помнят большой угрюмый этап с высоким забором и двухглавым орлом на воротах.

Вереницами тянулись на восток через Итат обозы с товарами томских купцов. После того, как провели мимо Итата железную дорогу и рядом построили станцию, появились в селе и сельская школа и фельдшерский пункт, а вместо покосившейся деревянной старой церкви выросла новая, каменная. К началу войны в селе было уже больше шестисот дворов.

Население его сеяло хлеб и занималось извозом — возили на золотые прииски пассажиров и грузы.

Это было бойкое место. Здесь приискатели могли найти все, что хотели. Могли кутнуть, позабавиться, бросить золотую пыль в глаза мужику. И часто пропивали здесь все, что заработали, и тогда с опухшими лицами, в лохмотьях, пропив и добытое золото и последний пиджак, возвращались опять на «саралу»¹.

С проведением железной дороги этап упразднили. Через село потянулись на восток товары томских купцов на станцию железной дороги.

В начале 1918 года стали возвращаться в Итат и окрестные села солдаты с германского фронта, те немногие, кто остался в живых. В истрепанных, драных шинелишках, измятых дальней дорогой, с кой-каким барахлом в вещевом

¹ Прииск.

мешке ежедневно высаживались они из поездов на станции, торопливо искали попутчиков, нанимали подводы и уезжали к себе по домам.

Проходили дни. Ползли по Итату слухи то о сдаче Петрограда немцам, то об объявлении союзниками нам войны. По праздникам после обедни шептались на базарной площади, у мелочных лавочек старухи о нашествии антихриста, крестились, вздыхали и покачивали головами.

Революция Итата не тронула. В селе все жили так же, как и раньше, и попрежнему всем заправляли богатеи. Фронтовики на все, что непосредственно их не касалось, реагировали слабо. Многие из них ушли с головой в работу по восстановлению своих подорванных войной хозяйств; другие все еще никак не могли притти в себя после окопного существования, ходили в гости, пили самогон, рассказывали про Двинск, Варшаву, про атаки, отступления и бои; иные потихоньку собирали сплетни, как жили без них жены, выспрашивали, не путались ли они с кем-нибудь и не изменяли ли с пленными австрийцами. Что будет дальше — об этом почти никто не думал.

В Итате с Февральской революции у власти были «социалисты»: начальник почты Никольский, его помощник Борисенко, благочинный отец Алексей и двое кулаков — Нестеров и Иванов.

Волостная земская управа, продолжая руководствоваться законами и распоряжениями временного правительства, твердо и неуклонно стояла за продолжение войны до «победного конца», и всех, кто высказывался за советскую власть, земцы называли изменниками родине и немецкими агентами.

Во второй половине февраля, как раз в день моего возвращения с фронта в Итат, открылся волостной земский съезд. Мой старший брат, у которого я остановился, рассказал мне, что в Мариинске власть перешла к советам, в Боготле тоже, но во многих селах и в нашем Итатском районе правит все еще земство и о советской власти нельзя даже заикнуться.

Волостной съезд был создан главным образом для изыскания денежных средств.

Помещение волостного правления, в котором он заседал, было переполнено делегатами и пришедшими поглазеть, покурить и поболтать крестьянами Итата.

С трудом протолкавшись, я попал в комнату, где происходило заседание. Выступал председатель съезда Нестеров. Он предлагал обратиться к местным купцам с просьбой одол-

М. Перевалов.

жить земству на полгода десять тысяч рублей. Он высказывал надежду, что торговцы Итата пойдут этой просьбе навстречу.

Часть делегатов, явно из мироедов, развалившись в передних рядах, поддакивала председателю:

— Да, да, действительно, верно. Хотя бы и до нас доведись, почему бы не ссудить волости тысячу или другую. Небось, власти ссужаем, а не какой-нибудь лавочке...

Делегаты из бедноты, сбитые говорунами с толку, в недоумении разводили руками.

— Да что же это за власть? Вот это так завоевали! Как нищие, у купцов милостыню просим.

Я попросил у председателя слова. Смерив меня взглядом с головы до ног, он неохотно предоставил мне его, видимо, не решаясь отказать мне как фронтовику.

Несмотря на сразу поднявшийся шум, непрерывные угрозы председателя, крики и ругательства кулаков, я рассказал съезду, что сделала в России советская власть за короткий срок ее существования и к чему она стремится, рассказал о том, насколько пагубна политика эсеров и меньшевиков и как подло и гнусно прячут здешние заправилы истину от местных крестьян. Говоря по вопросу о денежных средствах, я указал на контрибуцию как на способ добыть их и как на меру борьбы с богатеями.

Короткая речь моя была встречена шумной поддержкой присутствовавших фронтовиков, аплодисментами, выкриками, и съезд разделился на два враждебных лагеря. Как ни старались председатель Нестеров и кучка кулаков призвать собрание к порядку, им это не удалось.

Чувствуя за собою поддержку фронтовиков, я внес три предложения:

Разогнать земство и признать советскую власть.

Избрать на данном съезде исполнительный комитет советов.

Обложить итатских торговцев контрибуцией в сто тысяч рублей. Слово «контрибуция» и неслыханная цифра «сто тысяч рублей» поставили крестьян втупик. Они признали советскую власть, но от наложения контрибуции отказались и разошлись по домам.

Я понял, что моя единственная опора пока фронтовики, и решил созвать их на собрание, на котором сообща можно было бы обсудить создавшееся положение.

Собрание было назначено мною на следующее утро.

Пришли не только фронтовики, но и много крестьян — послушать, о чем мы будем говорить.

После горячих речей и призывов к поддержке власти советов собравшиеся двинулись стройными рядами, с пением революционных песен, с высоко поднятым на шесте красным флагом, с лозунгами «Да здравствует советская власть», «Долой земство и учредилку» к волостному правлению, где в присутствии вчерашних делегатов было постановлено: признать советскую власть, избрать исполнительный комитет и не позднее чем в недельный срок созвать районный съезд советов.

В числе пяти человек, избранных в волостной комитет, оказался и я.

Мне поручили обязанности военного комиссара.

Своею деятельностью, направленной на защиту интересов бедноты, комитет быстро завоевал себе авторитет, и при активной поддержке фронтовиков работа закипела.

Война разорила крестьянство, и многие из товарищей, вернувшихся с фронта, слонялись по деревне без дела. У некоторых не было и куска хлеба. Говорить о каких-либо работах в районе или губернии не приходилось, а безработных было уйма.

Чрезвычайно остро стоял вопрос о выдаче солдатских пайков вдовам и сиротам. К тому же в уездных органах заседали эсеры. Газета «Вестник» временного правительства авто-

номной Сибири попрежнему вела травлю большевиков и печатала воззвания Потанина¹. Условия для нашей большевистской работы были нелегкие.

В первые же недели нашей деятельности мы организовали из фронтовиков промышленную коммуну, обложили итатских купцов контрибуцией в сто тысяч рублей, открыли общественную продовольственную лавку и выдвинули проект выстроить к весне общественную кузницу и кирпичный сарай и засеять общими силами триста десятин.

Кое-кто из купцов, не желая платить контрибуции, бросился за защитой в Мариинск, откуда вскоре был прислан к нам для увещевания жуликоватый эсерик, адвокат Светочевский (в 1921 году он был расстрелян Чека по делу о заговоре против советской власти). Пробыл он у нас около двух суток, с пеной у рта раз'ясняя все «беззаконие» наших постановлений, но ничего не добился. Мы наших позиций не сдали.

На все его доводы мы ответили арестом тех, кто отказывался от взноса наложенной контрибуции.

Видя бессилие Светочевского, итатские торговцы обратились за помощью к отцу Алексею. И тот решил им помочь. В «великий» четверг во время всенощной отец Алексей обратился с амвона к молящимся с речью:

— Православные миряне, — сказал он, — скоро светлое христово воскресение. Это дни, когда мы, грешники, проводим в посте и молитве; у нас в Итате новая власть — большевики, называя себя какими-то советами и комитетами, поправ все чистое, арестовали и заключили под стражу совсем неповинных людей. Они, братия наша, уже второй день, как в заточении, и один господь-бог знает, что ждет их. Пойдемте же, братия, от стояния к этим большевикам-анафемам и будем просить их ради предстоящего праздника светлого христового воскресения об освобождении заключенных.

Своею проповедью отец Алексей растрогал верующих, особенно старушек, которые хором прочакали:

— Идемте, девоньки, идемте. О, чтоб на них! О, господи, прости! Да как же не освободить?..

Из церкви, с зажженными свечами, во главе с попом Алексеем, все молившиеся двинулись к волости.

Были вызваны члены исполкома. В ответ на требование толпы отпустить арестованных торговцев один из фронтовиков, заглушая вопли и угрозы богомольцев, закричал на

отца Алексея: отчего в прошлом, когда в тюрьмах томились сотни тысяч лучших людей России, ни одному попу не приходила в голову мысль прбситься об их освобождении, и лишь теперь, когда в тюрьму посажены богатеи — грабители народа, попы взывают к милосердию и требуют освобождения заключенных? Отец Алексей покраснел, не зная, что ему ответить, а богомольные старушки проквакали:

— Правильно, правильно говоришь, господин товарищ. Туда им и дорога, богачам и кровопийцам.

Толпа вскоре разошлась.

Через два-три дня контрибуция была уплачена.

Время для нас проходило незаметно. Март и апрель пролетели, как миг, в напряженном труде по переустройству жизни, в водовороте ежедневных собраний, в нервной работе.

Пришла весна. Бесследно исчезли сугробы снега, по канавам потекли ручейки, и наша речушка Итатка вышла из своих берегов и разлилась по низине.

Черемушник и тальник распустили свой лист, зазеленела трава, и обсохли муравьиные кочки, где закипела муравьиная жизнь.

Близилась пора выезда в поле, пора полевых весенних работ. Крестьяне Итата приступили к ремонту плугов, к починке сбруи и подготовке семян.

Силами коммуны свезли нужный для постройки кирпичного сарая материал. Вскоре были установлены кирпичные прессы.

Кузнецы вынесли решение о работе в общественной кузнице на артельных условиях. Границы поля под общественную запашку в триста десятин были определены. В сельсовете под руководством председателя т. Пинаева шло распределение обязанностей: кто должен пахать, боронить, а кто сеять.

Лучше всего развивалась работа в коммуне. Все коммунары — только что с фронта, молодец к молодцу. Быстро приобрели они все рыболовные снасти: неводы, сети и лодки, и каждый день на берегу Чулыма высилась блестящая, как серебро, гряда свежей, только что выловленной рыбы. Часть ее коммуна сбывала в Итате через свою продовольственную лавку, часть везла на продажу в город Боготол.

Так проходили первые дни советской власти в Итате.

Идеи большевизма удивительно верно и быстро усваивались в окрестных селах и деревнях. Все упорнее и настойчивее становилась борьба с кулачеством и буржуазией. К весне весь Мариинский уезд стал советским.

¹ Вождь эсеров в Сибири.

Ежедневно на станции Итат можно было видеть новый тип «переселенцев» — буржуазию, бегущую подальше от советов, на восток, где уже орудовал ставленник Японии — атаман Семенов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Начало интервенции

Двадцать пятого мая, в разгар полевых работ, была прервана телеграфная связь в Итате. Железнодорожное движение на восток остановилось. Образовалась пробка.

Небольшая станция Итат была забита пассажирами, бродившими по станции и по поселку в поисках продуктов. Выяснить причину задержки поездов нам не удавалось. Железнодорожная администрация знала не больше нашего. Спорили, гадали, отчего прервано движение, но никто ничего не знал.

Двадцать шестого мая волисполком командировал меня в Мариинск для восстановления связи Итата с городом.

Я выехал на паровозе, и на станции Тяжин мне бросилась в глаза необычайная суетливость толпы, сновавшей по платформе. Было ясно, что что-то случилось. Я соскочил на ходу с паровоза и к первым же встречным обратился с вопросом о том, что здесь происходит.

Меня окружили возбужденно жестикулирующие, взволнованные люди, и, перебивая друг друга, рассказали мне, что Мариинск захвачен чехо-словаками и что там идет сейчас поголовное убийство всех коммунистов и советских работников.

Вскоре через трех беглецов из Мариинска, приехавших на станцию Тяжин на лошадях, мне удалось выяснить подробности переворота.

В Мариинске стоял эшелон чехов, продвигавшихся на восток. 25-го туда же прибыл небольшой отряд Красной гвардии, высланный против Семенова.

Группа красногвардейцев под руководством своего командира выехала в город и самочинно произвела ряд обысков у частных лиц и организаций, отбирая продукты.

Появление неизвестных вооруженных, реквизирующих продовольствие, взбудоражило население. Председатель и члены уездного исполкома безуспешно пытались прекратить не-

законные обыски и конфискации. Ни увещевания, ни угрозы не помогали. Тогда была вызвана милиция, и в последовавшей затем перестрелке несколько красногвардейцев было ранено. Остальные бросились на станцию, призывая своих товарищей, оставшихся в вагонах, немедленно выступить против милиции и городских властей.

В то время, когда красногвардейцы, разбирая оружие, уже готовы были двинуться в город, у стоявшего на станции рядом чехо-словацкого эшелона послышался резкий боевой сигнал горниста, и чехи внезапно напали на красногвардейцев.

Разоружив их, они, обстреливая улицы продольным огнем, бросились к центру и неожиданным налетом захватили все наиболее важные советские учреждения, арестовывая и расстреливая их работников. Небольшой гарнизон Мариинска — всего несколько десятков человек — рассеялся в смятении.

На помощь чехам выступили местные белогвардейцы.

Так пала в Мариинске советская власть.

Над комендатурой был поднят чешский флаг.

По указаниям белогвардейцев чехи производили аресты всех причастных к большевизму. Из домов, занятых учреждениями, через окна и двери летели на улицу клочья красных знамен и портретов пролетарских вождей. Выбрасывалось и уничтожалось все. Срывались вывески, разбивались витрины, втаптывались ногами в грязь сорванные с заборов и стен объявления о советских декретах, листовки, воззвания.

Со всех концов города вели в тюрьму арестованных, где их уже ждали судьи из чешской охранки. Тут же в тюремной ограде производились расстрелы.

Узнав о подробности событий в Мариинске, я вернулся в Итат. После моего доклада президиум исполкома решил создать из фронтовиков, работавших в коммуне, отряд для борьбы с чехами, распространить по району воззвания о белогвардейском перевороте и призвать население к поддержке нашей борьбы за советскую власть.

Наш Итатский исполком сразу же учел все значение выступления в Мариинске чешского отряда. Мы сразу поняли, что оно лишь сигнал к выступлению всех чехо-словацких войск.

Мы распределили по-новому наши роли и обязанности. Лихорадочно быстро разрабатывался план действий и обороны. Десятки верховых гонцов были посланы по окрестным

села, а по Итату бегали рассыльные, расклеивая на стенах наше первое воззвание:

ТОВАРИЩИ ФРОНТОВИКИ

Вы, окопные мученики, всего лишь несколько дней, как расстались с окопами, в которых три года кормили вшей. Всего лишь несколько дней как вы находитесь среди родной семьи, работая среди своих давно заброшенных полей и починяя в корне разоренные братоубийственной бойней ваши хозяйства. Товарищи, теперь мы дома, и Россией распоряжается не Николай второй и не Керенский, а советская власть, рабоче-крестьянское правительство. Но капиталисты, враги трудящихся, видя свою гибель, заметались, как бешеные собаки, в поисках спасения и возможности взорвать соввласть, и они ее нашли. Пленные чехо-словаки, с которыми вам приходилось сражаться и брать их в плен, выклянчили у советской власти для войны с немцами оружие и право проезда через восток на французский фронт. В последнее время чешские эшелоны, один за другим следуя на восток, вереницей растянулись по всей Сибири. Но, как видно, обольстившись купеческим золотом, они за нашу хлеб-соль, обмундирование, проезд по железной дороге, нашим же оружием, видимо, по уговору с нашими заядлыми врагами, господами-офицерами и сынками купцов, как по сигналу, захватили города Сибири и власть в свои руки. Товарищи, город Мариинск занят. Чехи и купцы бесчинствуют. Товарищи фронтовики. Скажите, кто хозяева земли русской, как не мы, крестьяне и рабочие? Кто должен управлять Россией — чехи, купцы, офицеры или мы? Да, мы, крестьяне и рабочие. Товарищи, я, военный комиссар Итатского района, призываю всех тех, кому дорога свобода и советская власть, всех, кто еще может носить оружие, встать, как один, на защиту советской власти и дать незваным гостям отпор. Товарищи фронтовики, спешите захватить с собой оружие, прибыть в село Итат и влиться в Итатский партизанский отряд для борьбы за советь. Я вас жду.

Военком М. Перевалов

Фронтовики из нашей производственной коммуны единогласно постановили сформировать Итатский партизанский отряд и приложить все усилия для вербовки в отряд крестьянской бедноты не только из нашего села, но и окрестных деревень. Распространение воззваний, ежедневные митинги, широко поставленная нами агитация сделали свое дело. Со всех концов района шли записываться в наш отряд бойцы. Записывались не только фронтовики, но и их отцы и подростки-братья.

Школа, где происходила запись добровольцев, была переполнена людьми и неустанно гудела, как пчелиный улей.

Работа по организации отряда кипела. Приводилось в порядок и чистилось оружие, а матери и жены партизан заготавливали продовольствие. 29 мая отряд под моим начальством — я был партизанами избран командиром — выступил на фронт. Нас, шедших по улицам Итата стройными рядами,

1466

Перед выступлением на Мариинский фронт против чехов. Май 1918 г.

2 Та. жные партизаны

под пение революционных песен, с развернутым красным знаменем, провожало почти все село.

Уже садясь на станции в вагоны, мы получили сведения, что к Мариинску из Боготола, Ачинска и Красноярска движутся красногвардейские отряды.

Борьба с международной интервенцией началась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Маринский фронт

На станции и вокруг нее давка. Партизаны принимают и сваливают в вагоны продукты, грузят лошадей, прощаются. Провожалюшие все прибывают.

Настроение партизан воинственное. Все, несмотря на причитание и слезы пришедших попрощаться матерей, веселы и бодры.

В четыре часа дня погрузка окончена. Раздается команда: «По вагонам!» Партизаны еще раз пожимают руки остающимся товарищам, еще раз целуют на прощание плачущих навзрыд матерей и жен и скрываются в вагонах.

Слышится песня «Смело, товарищи, в ногу...»

Паровозный свисток — и поезд медленно отходит от станции.

Стучат колеса, мелькают телеграфные столбы.

Настроение не падает. Всюду в вагонах шутки и смех.

На раз'езде Предметкино поезд останавливается. Недалеко от станционного здания в нескольких халупах, заросших густым березняком, расположился штаб фронта. У палисадника жуют сено привязанные к ограде оседланные лошади.

В стороне у ворот, около нагруженной боронами телеги, бродят коровы. На высоком крыльце дома несколько вооруженных людей что-то кричат нам и размахивают фуражками. Мы подходим ближе. Из штаба на крыльцо выходит высокий человек в гимнастерке защитного цвета. Слышится команда: «Смирно!»

Наш отряд замер, кто-то шепнул:

— Это командующий, Соловьев.

Высокий человек обвел нас взглядом, об'явил, что он командующий, и поздоровался. Партизаны ответили:

— Здравствуйте, товарищ командир.

По вызову командующего я выступил и доложил о численности нашего отряда.

Соловьев долго рассматривал наше знамя, читал на нем лозунги и затем сказал нам, что у нас с чехами не война, а «волынка», и обещал с ней быстро покончить. В заключение мы дружно прокричали «ура» за советы, коммунистическую партию и за т. Ленина.

Получив винтовки, подсумки и по шестидесяти патронов на каждого партизана, я обратился к Соловьеву с просьбой ознакомить меня с позицией и разрешить переправиться на сторону противника для партизанских действий по заданию штаба.

В мои разговоры с командующим вмешался начальник штаба Барышников. Он категорически воспротивился нашей переправе, и мои требования отклонил.

Уклончивые ответы командующего и начальника его штаба на наши вопросы и запрещение переправиться на берег противника не понравились моим товарищам. Устраиваясь на ночлег, они вели горячие споры. Одни возмущались полученным отказом, другие успокаивали их, иные делились впечатлениями о пережитом на германском фронте, но все были согласны с тем, что если бы нам разрешили перебраться на ту сторону, то мы ворвались бы в город и отучили чехов от вмешательства в наши дела.

С наступлением ночи споры стихли, и лишь кое-где под сараем в соломе слышались смех и шутки. Но скоро и они замолкли. Отряд спал.

На заре мы проснулись от криков:

— Товарищи, вставайте — чехи!..

В штабе суeta. Оказывается, рота чехо-словаков переправилась через реку Кию и обстреляла нашу конную разведку. Штаб приказал мне выступить и выбить чехов, занять позицию и укрепиться.

Отряд развернутой цепью повел наступление.

После короткой перестрелки чехи бросили наскоро вырытые ими окопы и на лодках убрались на свою сторону. Мы заняли позицию на горе Арчекас, откуда хорошо был виден Мариинск, окруженный чешскими окопами.

На второй день нашего пребывания на позиции я выехал в штаб с целью получить разрешение переправиться на сторону противника для выяснения его сил. В штабе я заявил, что весь наш отряд рвется в бой и настаивает на скорейшей ликвидации выступления чехов, так как наступает пора полевых работ.

В штабе меня внимательно выслушали и заявили, что производить разведки и вступать в бой с чехами мне категорически запрещается, так как Мариинск захвачен ими по недоразумению и по этому поводу уже начаты с ними переговоры.

Я обомлел.

Ведь это говорили мне командующий фронтом и начальник его штаба, то есть те, кому советская власть доверила около тысячи красногвардейцев и которые должны были знать, что выступление чехов не недоразумение и не случайный эпизод, а начало планомерной борьбы с нашей революцией.

В это время в Мариинске уже было опубликовано чехами следующее:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Капитана Кадлеца, командующего чехо-словацкими отрядами в районе г. Мариинска

ГРАЖДАНЕ!

Представители советской власти из г. Красноярска вызвали меня вести с ними переговоры.

Так как условия их для меня неприемлемы, объявляю в г. Мариинске военное положение, причем смещаю представителей советской власти и вызываю граждан г. Мариинска избрать себе новое правление, которое возьмет в руки власть. Двух из новоизбранных пригласил явиться ко мне.

Командующий чешско-словацкими отрядами в г. Мариинске, временный командир 7-го чешско-словацкого стрелкового Татранского полка капитан К а д л е ц.

Мариинск, 27 мая 1918 года.

Об этом воззвании в штабе конечно знали, и, о каком после этого перемирии говорили мне, я не понимал.

Также ничего не понимали и наши красногвардейцы.

Они ставили вопрос просто: или вперед, даешь чеха, или они сейчас же разойдутся по домам. Мне стоило больших трудов уговорить их остаться на позиции и не нарушать планов штаба. Мне долго пришлось доказывать отряду, что никаких оснований не доверять штабу у нас нет и потому мы не имеем права не исполнять его приказаний.

Я чувствовал, что в штабе что-то неладно. Но если в нем и гнездилась измена, как вскрыть и доказать ее? И я ломал себе голову, но никакого ответа не находил и оставался по-прежнему на фронте, решив терпеливо ждать развития событий.

Наши силы на фронте исчислялись в девятьсот человек, входивших в три отряда: Красноярский, Ачинский и Боготолский. Мы имели три трехдюймовых орудия, но снарядов было у нас очень мало. Было у нас до десяти пулеметов и один аэроплан, но достать для него летчика мы нигде не могли.

Фронт тянулся против города, охватывая его с трех сторон, но расположены были наши части без соблюдения даже элементарнейших правил войны, на что командиры неоднократно обращали внимание штаба.

Но штаб с их мнением не считался и продолжал уверять нас, что с чехами будет скоро достигнуто соглашение и потому о военных действиях думать не приходится.

О том, насколько обоснованным являлся оптимизм нашего штаба, можно было судить по появившему в наши руки воззванию созданного чехами белого сибирского правительства. Оно гласило:

ДЕКЛАРАЦИЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ко всему населению Западной Сибири

ГРАЖДАНЕ!

Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собою все, что можно захватить. Ядро нового самодержавия уничтожено. Сибирь вновь свободна. Власть перешла к временному сибирскому правительству, выдвинутому областной думой. Высшей местной властью в Западной Сибири временно, впредь до окончательного освобождения всей сибирской территории, является западно-сибирский комиссариат, состоящий из уполномоченных временного сибирского правительства, членом всероссийского учредительного собрания — Павла Михайлова, Бориса Маркова и Михаила Линдберга — и председателя томской уездной земской управы Василия Сидорова.

Вышперечисленные уполномоченные организуют местные губернские, уездные и городские комиссариаты, на обязанности которых лежит восстановление органов местного самоуправления в законно избранном их составе там, где выборы уже были произведены, и производство выборов на основании существующего избирательного закона в тех местностях, где выборы эти почему-либо не имели места. Комиссариаты немедленно по возобновлении работ демократических органов самоуправления передают им всю полноту местной власти.

Западносибирский комиссариат, впредь до особого распоряжения областного правительства, объединяет деятельность всех органов народного самоуправления и государственных учреждений, как-то: управления путей сообщения, почт и телеграфов и пр. Западной Сибири, и направляет их работу по одному плану. Задачей его является создание правильно организованной военной силы, достаточной для утверждения на-

гнавших по реке плоты. Плоты мы отбирали, рассчитывая использовать их для переправы при наступлении, а крестьянам выдавали записки на право получения от советов денег за реквизированное имущество.

На нашем фронте было затишье. Мы гуляли в лесу, катались на лодках, узнавали от крестьян о численности чехов и нетерпеливо ждали перехода в наступление.

Штаб ежедневно пичкал нас приказами о бдительности, укреплении позиций и терпении. Мы их внимательно прочитывали, затем раскуривали и кричали: «Даешь чеха!»

На фронте было все так же тихо.

Против нас на берегу стояла каменная водокачка, занятая чешской заставой силою около пятидесяти человек. Несмотря на перемирие, чехи 5 июня обстреляли нас, и на следующий день я решил за это выбить их из заставы.

Выбрав из моего отряда человек восемь, умеющих хорошо нырять и плавать, я велел им одеть крестьянскую одежду, сесть на плоты и отправиться вниз по Кии, причем, как только плоты поравняются с водокачкой и чехи заметят их и прикажут плыть на их сторону, мои партизаны должны были повернуть плоты в нашу сторону. Чехи, как я рассчитывал, начнут стрелять по плотам; партизаны, умеющие хорошо нырять, бросаясь в воду, а наша засада, спрятанная мною на нашем берегу в кустах против водокачки, немедленно ответит на стрельбу чехов.

Партизаны с радостью согласились с моим планом и, отчалив от берега под команду лощмана «бей влево», «бей вправо», ухмыляясь, выбрались на середину и затянули песню. В кустах уже сидела наша засада.

Заметив плоты, чехи выбежали на берег и вступили с партизанами в разговор. Плоты плывут мимо. Чехи нервничают, машут руками, кричат, и наконец раздается выстрел.

Партизаны, как осетры, нырнули в воду, оставляя за собою большие круги и пузыри, а засада из кустов открыла меткий огонь по живой цели.

Через полчаса чешскую заставу увезли на санитарных двуколках в город, а меня вызвали в штаб.

В штабе меня встретили враждебно, как важного преступника. Мне предложено было ожидать, пока кончится совещание, вызванное моим проступком.

Наконец меня попросили войти. На вопросы начальника штаба Барышникова, почему я, несмотря на перемирие и категорическое запрещение штаба, напал на чехов, я ответил, что они первые открыли стрельбу.

Сколько ни допрашивали меня в штабе, я твердо стоял на своем.

Меня обвиняли в дезорганизации фронта, квалифицируя нападение на чешскую заставу как тяжелое преступление, и пригрозили суровым приговором суда.

В отряд я вернулся только к вечеру.

Еще издали услышал я песни и игру гармошки. Бойцы беспечно, будто на отдыхе, гуляли по берегу. У самой дороги был разведен большой костер. Дальше целой толпой окружили партизаны вымокшего мадьяра. Он просидел в реке почти целый день, так как подплыл по ошибке слишком близко к берегу чехов. У походной кухни под веселые крики двое молодых партизан выбивали каблуками дробь и чечетку и, взвиваясь, как змеи, плясали в присядку.

Когда ребята заметили меня, то все бежали и засыпали вопросами: «Ну, как? Ну, что они там? А мы уже приготовились итти выручать».

По случаю первой победы над чехами и пока благополучного исхода моих переговоров со штабом веселье длилось далеко за полночь. Почти всю ночь горели костры и слышались веселые голоса, песни и смех.

Главные наши силы были сконцентрированы у железнодорожного моста. Правый наш фланг охранялся конным отрядом всего в несколько десятков человек, левый — конной разведкой.

Ржавели у бойцов винтовки, молчала наша батарея, и мок под дождем ничем не прикрытый наш неподвижный аэроплан.

Отсутствием охраны наших флангов были возмущены не только командиры, но и все бойцы.

На фронте было тихо. Дни проходили, не принося с собою перемен.

Девятого июня, в 10 часов утра, из города к нам донеслась стрельба, вначале редкая, беспорядочная, а затем залпами. Вслед за винтовками застрочили пулеметы. Продолжалась стрельба больше часа, но чем она была вызвана, оставалось для нас загадкой. Лишь поздно вечером мы узнали, что рабочие Анжерских копей, установив связь с нашим штабом, получили от нас два ящика патронов и, рассчитывая на нашу поддержку, подняли восстание. Выступление рабочих было подавлено, и они, понеся большие потери, ушли в тайгу через Антибесские болота.

Зато у нас было тихо, без перемен.

Двенадцатого июня в штаб фронта приехала американская миссия. После переговоров с американцами наш штаб, полагаясь на их обещания, что мятеж чехо-словаков будет ликвидирован мирным путем, постановил перемирие продлить до 24 часов ночи 15 июня.

Постановили, раз'ехались, и у нас опять стало тихо, снова без перемен.

Пятнадцатого, в час дня, я был спешно вызван в штаб на совещание.

Все командиры были уже в сборе. Начальник штаба Барышников об'явил нам, что в связи с тем, что в 12 часов ночи кончается срок перемирия с чехами, он хочет знать наше мнение о том, кто — чехи или мы — должны первые открыть огонь.

Командиры частей все, как один, ответили, что начать военные действия должны безусловно мы, причем начало должно быть такое, чтобы чехи реально почувствовали его.

Я предложил открыть в 12 часов ночи, то есть в момент окончания перемирия, ураганный огонь по Мариинску и окопам чехов из всех наших орудий, а до того наш отряд должен был переправиться на другой берег, с тем чтобы ударить противнику в тыл. Мы должны наступать, а не ждать, когда чехи ударят по нашему тылу, что для них нетрудно, так как деревенское кулачье на их стороне.

Командиры частей мое предложение одобрили, но командующим фронтом и начальником штаба оно было без комментариев отвергнуто, и мне было приказано вечером же сняться с позиции и уйти на раз'езд Предметкино в резерв на случай прорыва. Позицию и пулемет я должен был сдать отряду рабочих, только что прибывшему под командой т. Цыбульского из Центрального рудника.

Совещание закончилось. В тяжелом настроении, недоумевая, уходили командиры с совещания.

Пришла ночь, срок перемирия кончился, но на фронте стояла все та же тишина.

Шестнадцатого июня утром я получил приказ из штаба взять шанцевый инструмент и отправиться в распоряжение саперной роты для рытья окопов. До этого, по приказанию штаба, я выслал разведку на правый фланг, но меня больше беспокоил левый, и потому я послал разведчиков и туда.

Вскоре оттуда слышалась стрельба. Прискакав обратно, разведчики сообщили мне, что в полутора верстах от раз'езда в деревне Раевке они обнаружили чехов.

Я рассыпал свой отряд в цепь и двинулся к Раевке.

Наступление наше было встречено сильным оружейным и пулеметным огнем, заставившим нас остановиться.

Мы, отстреливаясь, залегли и решили ждать подкрепления и пулеметов, за которыми я послал на раз'езд. Огонь становился все ожесточеннее. У нас уже не хватало патронов, а посланные не возвращались. Наконец они явились и доложили, что пулеметов нам не выдают.

Я решил атаковать чехов. Как только мы двинулись на них, наше русско-мадьярское «ура» было тотчас заглушено трескотней пулеметов и ружейными залпами. Нас обстреливали со всех крыш, труб, заборов, огородов.

Мы сразу же понесли большие потери. Продвигаться дальше было невозможно, и я приказал отступать, но мой приказ был встречен с неудовольствием, особенно со стороны мадьяр. Они сделали еще одну попытку ворваться в деревню, бросились еще раз «на ура», но убийственный пулеметный огонь чехов заставил их остановиться.

Подобрав раненых, мы отошли к раз'езду.

В это же время мы увидели, что по полотну железной дороги со стороны фронта бегут красногвардейцы. Многие из них бежали без оружия. Мы поняли, что на фронте что-то случилось.

Вскоре мы узнали от бросивших фронт, что чехи, обходя их, ударили с тыла и захватили все наши окопы.

Проверить эти сведения я не мог. Телефонная связь со штабом была прервана, а высланные мною в штаб ординарцы не вернулись.

Я уже хотел ехать в штаб выяснять положение, когда по дороге из леса показался начальник штаба Барышников. А вскоре на раз'езд влетел паровоз с двумя вагонами. Это был поезд командующего фронтом Соловьева.

Увидя, что штаб бежит, красногвардейцы из моего отряда заволновались. Послышались угрозы расстрелять как командующего фронтом, так и его начальника штаба. Барышников, боясь расправы, скрылся и, как после выяснилось, перебежал к чехам.

Соловьев, не выходя из вагона, крикнул мне через окно, что чехи в обход нам бросили значительные силы, велел мне принять командование фронтом и отступать до Ачинска.

— Я еду в Ачинск, — закончил Соловьев, — и буду оттуда держать связь с отрядом.

Паровоз дал свисток, поезд Соловьева тронулся и скоро исчез из глаз.

Для меня стало ясно, что все погибло и виною этому наш штаб.

Причину нашего поражения я тогда объяснил себе тем, что оперативное руководство на нашем участке находилось всецело в руках бывших царских офицеров, людей нам чуждых, обманувших наше доверие и беспрепятственно делавших свое гнусное дело.

Решив, что пытаться оказывать сопротивление чехам бесполезно, так как наши части были охвачены паникой, я отдал приказ отступать и моему отряду.

Предполагая, что чехи могут отрезать нам путь отступления, я послал вперед на станцию Тяжин человек тридцать красногвардейцев Красноярского отряда с их пулеметом «кольт».

Забрав на разезде все, что было возможно, погрузив наш брошенный аэроплан, мы двинулись к станции Тяжин, подбирая по пути разбегавшихся с фронта красногвардейцев.

Бегство штаба и наше поражение резко изменили настроение моего отряда. Никто уже не верил в возможность победы, и за все время пребывания на фронте ни разу не митинговавшие партизаны, попав в вагоны, зачумели, как пчелы. Понеслись крики об измене штаба и бесполезности дальнейшей борьбы.

Несмотря на явное разложение наших частей, я все же надеялся занять у станции Тяжин удобные позиции, собрать разбежавшихся и продержаться хотя бы сутки или двое.

На станции высланного мною взвода с пулеметом не оказалось. Взвод, по словам начальника станции, не останавливаясь, проехал в Ачинск.

То, что посланные мною красногвардейцы не исполнили приказа, не заняли станцию, а поехали дальше, служило еще одним доказательством того, что наши отряды были деморализованы.

На станциях Тяжин и Боготол я поручил моим партизанам разоружить отставших и дезертиров, намеревавшихся разойтись по домам или сдаться чехам.

На следующий день — это было 17 июня, — приведя по дороге в негодность все станционные водокачки, мы прибыли в Ачинск, где были встречены Ачинским уисполкомом. Для водворения порядка среди наших отступающих в панике частей из Ачинска я связался по телеграфу с т. Соловьевым, командующим фронтом, находившимся в Красноярске. Он предложил мне продержаться в Ачинске хотя бы два дня, обещал за это время прислать подкрепление. Если же чехи

заставят нас отступить, то мы должны были двигаться на Красноярск, где будут подготовлены пароходы для нашего дальнейшего отхода в Туруханский край.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В глухой тайге

Выполнить приказ командующего фронтом об обороне Ачинска оказалось невозможным. Никакие доводы, никакие призывы, как мои, так и ряда товарищей, на красногвардейцев не действовали. Бойцы кричали об измене и расходились по своим деревням. Наш Итатский партизанский отряд, сагитированный кучкой шкурников и трусов, решил направиться во-свои.

Положение создавалось безвыходное. Каждую минуту можно было ждать появления чехов.

Красногвардейцы попрежнему были охвачены паникой и бежали, бросая оружие, патроны, запасы хлеба и воинское снаряжение.

Я погрузил в три вагона своих партизан и все, что мог захватить с собою из брошенного красногвардейцами, велел прицепить паровоз, и мы двинулись на станцию Критово. В дороге я пытался убедить наших итатцев уйти в тайгу, для того чтобы начать оттуда партизанскую борьбу за власть советов, но отряд от продолжения борьбы категорически отказался. Из всего отряда на мое предложение согласились человек четырнадцать, не больше.

Не доезжая до станции Критово, я остановил поезд и выгрузился из вагонов. Большая часть отряда направилась по домам, а я с группой в четырнадцать человек двинулся к селу Коробейникову.

Пройдя верст тридцать пять, часть из оставшихся со мною партизан отказалась идти дальше и решила вернуться к себе в Итат.

В это время мы находились верстах в двух от поселка Трофимовского, Тухтетского района. Чтобы не навлечь на себя неприятностей, оружие, которого у нас было очень много, мы спрятали в лесу.

Подходя к поселку, мы увидели большую толпу, но, для чего она собралась, понять не могли. Вернуться назад было уже поздно — нас уже заметили. Подойдя еще ближе, мы

разобрали, что толпа раздевала и связывала нескольких, очевидно бежавших с фронта, красногвардейцев.

Как только мы вошли в поселок, толпа во главе с каким-то стариком бросилась на нас.

Вскоре принесли веревки, и нас начали связывать. Я пытался разъяснить крестьянам всю бессмысленность их поступков, говорил им о том, кто такие чехи и что для самих же крестьян будет лучше, если они отпустят нас, ничего плохого им не сделавших.

Мои слова произвели кое-какое впечатление. Нас развязали, но под влиянием нескольких крикунов толпа отпустить нас не захотела. После долгих споров нас решили отправить к чехам, в Боготол, куда до нашего прихода была уже уведена партия захваченных крестьянами красногвардейцев. Отправить нас решено было на следующий день, а пока нас развели по квартирам, приставив к каждому по часовому.

Утром нас под конвоем вооруженных крестьян повели на судьбище. Посреди деревни теснилась уже толпа трофимовцев, пришедших взглянуть, как будут нас судить. Когда нас вели, мне удалось шепнуть кое-кому из товарищей, что если мне не удастся уговорить крестьян отпустить нас, то необходимо попытаться бежать. Хорошо было бы добраться до наших спрятанных винтовок!

Но сход, после долгих споров, решил отпустить нас. Я предложил идти на пасеку моего хорошо знакомого — Кравцова, в поселок Топкорунинский.

Часа через два мы были уже там. Нас встретили по-товарищески, и вскоре сын хозяина Кузьма привез оставленные нами винтовки.

На другой день Кузьма был послан мною в разведку в село Итат, но он надел мою фуражку, кто-то из итатских кулаков узнал ее, и его арестовали.

Вскоре Кравцов-отец нам сообщил, что во всех окрестных селах хозяйничают чехи и белогвардейцы, большевиков расстреливают, а имущество их конфискуют. Думать о партизанщине пока было рано, оставаться на пасеке Кравцова, куда часто приходят чужие, было небезопасно, и мы решили временно уйти на старую кравцовскую пасеку в глухую тайгу.

Мы шли еле заметной, старой охотничьей тропинкой, среди болот, по высоким обросшим кочкам и за двое суток сделали едва ли восемнадцать верст.

Окончательно измотали нас мириады комаров и мошгары.

С изъеденными комарами лицами, в кровоподтеках, с опухшими глазами, с кровавыми мозолями на ногах, мы еле добрались до развалины заросшей бурьяном избушки, где и остановились.

Немного отдохнув, мы начали обсуждать свое положение, но вскоре забыли о себе и начали горячо спорить о том, почему большая часть наших крестьян не только не выступала против чехов, но иногда и помогала им.

Мои товарищи разводили в недоумении руками.

Они забывали, что в нашем районе почти все старожильческое население состояло из крепких, зажиточных крестьян, никогда не выдавших помещика и имевших вволю земли.

К тому же за короткое время пребывания советской власти в Сибири почти никакой политической работы среди крестьянства не велось, особенно в нашем районе.

Но что бы я ни говорил, какие бы доводы ни приводил, утверждая, что в нашей части Сибири в деревне не начался еще процесс классового расслоения, товарищи меня не слушали. Им казалось непонятным, что тогда, когда достаточно было бы, чтобы каждое село выставило трех-четыре бойцов, и вся белогвардейщина у нас была бы раздавлена, этих бойцов не нашлось.

И наши дни проходили в спорах. Стоило кому-нибудь вспомнить о руководстве штаба фронта и о встрече нас крестьянами в Трофимовке, как стихнувшие споры разгорались снова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Расправа

Пробыв в тайге около двух недель, искусанные комарами, измученные неизвестностью, решили мы пробраться поближе к деревням — узнать о положении на фронте. Ити днем в военном обмундировании и с винтовками мы боялись и потому шли только по ночам. Чем ближе подходили мы к линии железной дороги, тем больше узнавали новостей. Товарищи мои — среди них два моих брата — были люди недостаточно выдержанные, нетерпеливые и скоро стали требовать вернуться домой. Недалеко от нашего Итата я с ними вынужден был распрощаться.

Оставшись один, я ночью осторожно пробрался к одному из преданных советской власти крестьян и узнал, что все итатские торговцы, кулаки, поп, начальник почты и лесничий, узнав про наше отступление, выехали на станцию встречать чехо-словаков.

По их ли наущению — неизвестно, но чехи прислали в Итат, как в большевистское гнездо, батарею и у всех сочувствующих советской власти, а особенно у партизан, перерыли и перекололи штыками все имущество. О том, кто из крестьян сочувствовал большевикам и кто был в партизанском отряде, чехи знали. Вероятно, кто-нибудь из наших кулаков заготовил для них заранее списки.

Вскоре на сходе в Итате было вынесено постановление амнистировать всех вернувшихся в село красных партизан, за исключением меня, как «большевистского главаря».

Приговор схода был утвержден чешским командованием.

Услышав об этом, партизаны поверили в амнистию, не подозревая, что и решение схода и утверждение этого приговора не больше, чем чешская уловка. Партизаны вернулись в Итат, жили не скрываясь и благодарили судьбу, что им пришлось так легко отделаться.

Но вскоре после амнистии в Итат пожаловали чехи и при содействии местной белогвардейской своры арестовали всех вернувшихся партизан.

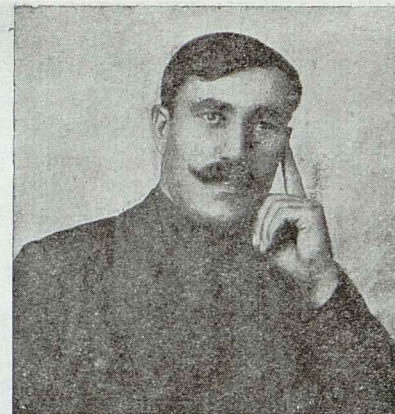
Часть из них тут же расстреляли, а остальных чехи отправили в мариинскую тюрьму или в Иркутский централ на голод, пытки и смерть.

Во время моего нелегального пребывания в Итате я узнал немало о зверствах «культурных» палачей.

Против нас на мариинском фронте были брошены значительные силы чехов. Не ожидавшие нападения, разбитые, деморализованные красногвардейцы отступали перед ними в панике, стараясь спасти свою жизнь.

Чехи, беря в плен красногвардейцев, рубили их группами и в одиночку.

Особенно пострадал отряд приискателей на Арчекесе. Улицы и огороды первой и второй пристани были усеяны трупами зарубленных рабочих. В плен победители старались не брать. Сдавшиеся чехам двадцать семь человек, преимущественно мадьяры, после длительных пыток в деревне были выведены к железной дороге, связаны и облиты керосином. Затем чехи окружили их кольцом своих штыков и подожгли. Все двадцать семь человек сторели или умерли в мучениях от ожогов.

т. Шадрин С. В. машинист тяжинской водокачки

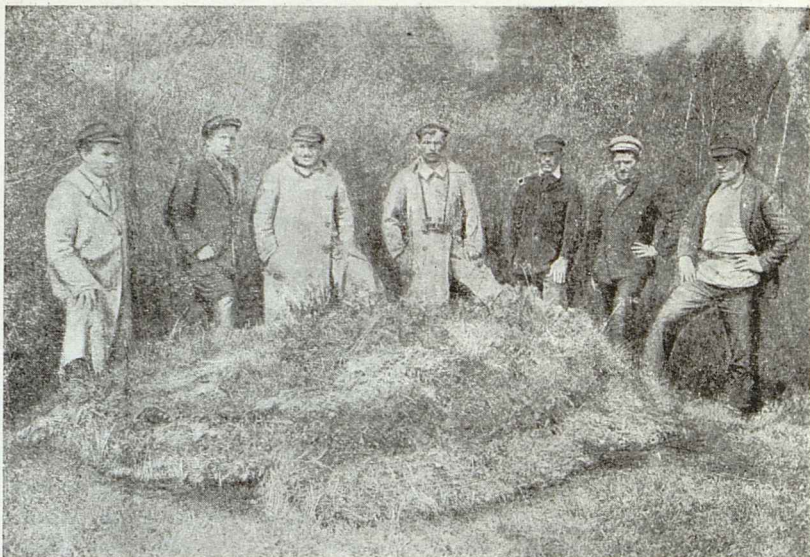
Семнадцатого июня, в 5 часов вечера, на станции Кротово был белыми пойман машинист тяжинской водокачки Шадрин Степан Васильевич, мною посланный при отступлении с мариинского фронта для взрыва водокачек. Он взорвал железнодорожный мост на разъезде № 5, около Итата, и тяжинскую и кротовскую водокачки. Поймав его, чехи подвергли его пыткам. Сначала были обварены (кипятком) по локоть руки и отрублены на руках пальцы, и только потом его закололи штыками. Старый революционер — он был участником революции 1905 года — умер исключительно мужественно.

В это же время в Итат к моим родственникам явились двое, как они себя называли, представителей ачинской власти, посланные якобы в Итат для того, чтобы вручить мне документы, гарантирующие мне полную свободу. Она мне была дарована, по словам пришедших, за то, что я будто бы спас от расстрела двадцать белогвардейцев, находившихся в моем распоряжении на мариинском фронте, на окопных работах.

Посетители настойчиво просили моих родственников указать мой адрес, обещая за это денежное вознаграждение. Получив отказ, они перешли к угрозам. Не получив никаких сведений обо мне, они уехали.

Не зная за собой никаких заслуг перед белогвардейцами, я понял, что это провокация. Откуда-то, вероятно, стало известно белым, что я скрываюсь в Итате, и они хотели узнать, у кого я прячусь.

Посоветовавшись с моим старшим братом, я в ту же ночь выехал к его товарищу Белошапкину в село Корнилово, Ачинского уезда.

У братской могилы мадьяр.

Белошапкин Иван Николаевич принял меня как товарища. Впоследствии за укрывательство меня и за агитацию он был расстрелян белыми.

О моем приезде он известил только своих близких в селе. Я жил у него под именем Сережи Неизвестного, как его работник.

Так как крестьяне села Корнилова бывают на больших базарах в Итате, то вскоре и в месте моего нового пребывания стало известно обо мне как организаторе итатской коммуны и партизанского отряда. Крестьяне стали внимательно поглядывать на меня, и я понял, что они догадываются, кто скрывается под видом нового батрака у Белошапкина.

Я знал, что в нашем районе власть всецело перешла к белым. Каждый день происходили аресты и учащались расстрелы всех имевших какое-либо отношение к большевистскому движению.

После того, как в Корнилове стали подозревать меня как скрывающегося от ареста, пребывание мое в селе стало невозможным.

За время моей работы у Белошапкина я организовал «группу содействия», в которую вошли Иван Белошапкин,

Николай Белошапкин, Микичур, два брата Кузнецовых и еще несколько крестьян.

Собираться в селе нам было рискованно. Так как я чувствовал уже слежку за собою, то жил в поле в балагане, куда приезжали поделиться со мной впечатлениями или обсудить тот или иной вопрос товарищи из нашей группы.

Зажиточная верхушка деревни, подозревая во мне большевика, уже подсылала милиционера ко мне спросить мой паспорт. Атмосфера вокруг меня сгустилась.

Договорившись с товарищами по группе, что, кому и когда делать, оставив им литературу, привезенную мною еще из Петрограда, советские газеты, журналы и кое-какие книги, я поехал в тайгу, как будто орешничать. Через две недели ко мне в тайгу приехали несколько человек из группы и трое моих братьев. Привезли они все те же вести: власть в руках белых, и нигде никаких красных отрядов нет, белые попрежнему безнаказанно расстреливают и порют.

Вскоре группа содействия, организованная мною в Корнилове, прислала мне в тайгу тех, кто бежал от мобилизации, объявленной белыми. Выбрав в тайге, верстах в двадцати от деревни Парной, удобное место, мы построили казарму, на всякий случай обнесли ее окопами и приступили к военным занятиям.

Я, уезжая из Корнилова, поручил группе содействия связаться с подпольной большевистской организацией в Ачинске или где-нибудь в другом городе. Но никаких связей с организацией у группы не было, и мое поручение осталось невыполненным. Зато чрезвычайно успешно работала группа по вовлечению в мой отряд в тайге всех, не желавших служить у белых. Группа хотя с трудом, но доставила нам оружие, патроны и продукты. Вскоре я решил установить при помощи нашей группы связи с соседними деревнями и поднять на юге Ачинского уезда восстание.

Как-то из группы содействия мне сообщили, что в Мариинском уезде в ряде деревень начались крестьянские восстания, что где-то по реке Чулым появился какой-то капитан Щетинкин и убил попа, а около Мариинска действует партизан Лубков. Восстания начались и в Минусинском уезде.

Посоветовавшись с отрядом, я в эту же ночь оставил свое убежище. Заручившись от группы адресами верных товарищей из крестьян Шариповской, Березовской, Ужурской, Кизильской и Корниловской волостей, я на лошади одного из членов группы под видом невзрачного крестьянина вы-

ехал на подготовку восстания, радуясь, что наконец начнется то, на что я так долго надеялся.

На протяжении всей истории революционного движения в подготовке вооруженных выступлений почти всегда принимали участие те или другие организации, в состав которых входили опытные организаторы.

У нас таких организаторов вначале не было. Организационной постоянной связи с большевистским подпольем наладить тогда мы еще не сумели.

В апреле 1919 года колчаковской контрразведкой были раскрыты подпольные организации в Омске, Томске, Красноярске и Барнауле и после зверских пыток убиты такие смелые и решительные руководители большевистского подполья, как Стукин, Андреева, Суховерхов, Нейбут, Масленников и десятки других. Их гибель заставила заменивших их товарищей, во избежание нового провала, еще более законспирировать свою работу, и в связи с этим при всем нашем старании связаться с подпольными коммунистическими организациями нам не удалось.

Намеченный нами район для восстания был районом степным, богатым, реакционно настроенным, с хорошо вооруженными дружинами и карательными отрядами белых. Весь план восстания был выработан нами в тайге.

Я об'ехал по списку ряд деревень, дал наказ товарищам осторожно связаться с другими деревнями, выяснить число согласных выступить с нами, узнать количество имеющегося в деревнях оружия и бомб. О дне начала восстания и месте сбора я должен был известить товарищей, когда все задания мои будут выполнены.

Недели через две я был уже в селе Корнилово, среди своих, за разработкой плана восстания. Скоро приехали из ряда деревень нарочные со сведениями о политических настроениях крестьянства, о числе бойцов, оружия и т. д. Сведения оказались чрезвычайно для нас благоприятными. Неожиданно для меня в эти же дни в Корнилово прибыли специально посланные два представителя из села Итат, рассказавшие нам, что белые попрежнему бесчинствуют у них, но уже в селе существует наша организация, есть и оружие. Приехавшие были посланы с наказом связаться со мной и получить от меня распоряжения. Я передал с ними письмо итатским товарищам, в котором писал о ведущейся в пяти волостях подготовке к восстанию, о необходимости собрать точные сведения о числе готовых выступить бойцов в Итате, о количестве оружия и патронов, причем предупреждал, что

сигнал к восстанию может быть дан уже скоро и потому итатская организация должна быть к нему готова.

Оставив Корнилово, я с двумя товарищами выехал в Ужур. Подготовка к восстанию шла прекрасно. С каждым днем увеличивалось как число повстанцев, так и количество нашего оружия. Со всех сторон торопили меня назначить скорее день выступления. Слух о том, что недалеко от деревни Парной в тайге скрывается какой-то большевистский отряд, дошел до белого командования, и вскоре в деревню Парную пришла карательная экспедиция белых, всего двести пятьдесят человек.

Из наших партизан они никого не нашли, и белые, побыв в Парной около двух суток, снова уехали. Я попал в Парную через день после их отъезда. Не успел я ознакомиться с положением дел, как ко мне в квартиру вошел нарочный из села Корнилово, посланный нашей группой содействия, с сообщением о том, что в Корнилово из Итата на соединение с нами идет отряд большевиков. Неожиданная весть поразила меня. Я тотчас выехал в Корнилово. Всю дорогу думал о том, что это за отряд, о котором сообщили мне, и кто и для чего его послал.

В Корнилово, в квартире одного из товарищей, куда я зашел, ко мне навстречу бросился мой младший брат Михаил, в военной форме, в погонах унтер-офицера, и сказал, что он привел ко мне отряд. Я засыпал его вопросами о том, что это за отряд, велик ли он и кто и зачем его направил ко мне. Брат об'яснил мне, что приезжавшие ко мне в Корнилово посланные из Итата товарищи, вернувшись, рассказали, что видели меня и что я будто бы жду итатцев. А потому девять человек итатцев, среди них двое моих братьев, решили выехать ко мне, и для того, чтобы не навлекать на себя подозрений, они переоделись в военную форму и пришли к шинелям погоны. По дороге они расстреляли нескольких попавшихся им белогвардейцев.

Я понял, что приезжавшие ко мне в Корнилово за инструкциями все мои распоряжения перепутали и письма моего почему-то не передали. В письме я писал о подготовке к восстанию и требовал лишь готовности к нему и никаких отрядов к себе не вызывал, чтобы преждевременно не обнаружить перед белыми нашей деятельности и намерений. Теперь же мои братья с кучкой таких же погорячившихся, как и они, сорвали все мои планы. О том, что они расстреляли нескольких белогвардейцев, немедленно станет известно белому командованию. Начнется следствие, начнутся обыски.

расспросы, репрессии, и вся с такой тщательностью проделанная на подготовке к восстанию работа окажется проваленной.

Пока я обдумывал положение, приехавшие итатцы, сидя у себя, пили чай и шутили, не отдавая себе отчета, сколько затруднений причинили мне своим легкомыслием.

Но отступать было уже поздно.

Село Корнилово довольно большое, кулацкое, реакционное настроенное, а потому я решил, что единственное спасение для нас — в неожиданности.

Распределив между собой роли, мы схватили не ожидавших нападения милиционеров, затем обезоружили всех кулаков в селе и устроили митинг, призывая крестьян взяться за оружие и выступить на защиту советской власти.

Но на первых шагах нас постигло тяжелое разочарование. Многие из тех, кто обещали принять участие в восстании, теперь уклонились под разными предлогами от вступления в наш отряд. К нам шли только те, кто скрывался от белых и кому подполье уже надоело.

На следующее утро мы выступили в деревню Парную, где к нам примкнуло до сорока человек, преимущественно присковые рабочие, не умевшие не только воевать, но и держать в руках винтовку.

В деревне Парной мы пробыли двое суток, приводя в порядок наше оружие и готовясь к предстоящим боям. Оружия военного образца у нас было мало, остальное — дробовики. Мы захватили винтовки у трех офицеров, ехавших в Чебаки, разоружили какую-то воинскую комиссию по переучету лошадей, мирового судью, лесничего, но всего этого было недостаточно. Оружия нехватало.

Надо было за оружием идти на Ужур, где находилось до ста белых дружинников, вооруженных трехлинейными винтовками, и двенадцать милиционеров.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И палки стреляют

Как-то ко мне верхом прискакал гонец, заявивший, что он прислан из Парной: туда вошел отряд белых, и крестьяне просят у нас защиты. Заявление нарочного подняло настроение наших партизан. Было решено немедленно померяться силой с белыми, и через несколько минут по Божьему

озеру мчалась по дороге в Парную вереница подвод с развернутым знаменем, с пением, с гиканьем. У Парной мы рассыпались в цепь и с неистовым криком пошли в наступление.

Со стороны Парной — тишина. Никто не стреляет. Мы продвигаемся дальше, занимаем деревню и узнаем, что прискакал не отряд белых, а всего двенадцать шариповских милиционеров, присланных в Парную собрать сведения о нашем отряде.

Как только милиционеры увидели нас, тотчас бросились обратно в Шарипово. Нами была устроена за ними погоня, но они, бросая своих уставших лошадей и заменяя их другими, отобранными у встречавшихся крестьян, продолжали свое паническое бегство.

Наши партизаны гнались за милиционерами до деревни Темря, проскакали верст двадцать пять, но догнать не могли: слишком устали наши лошади.

Прибыв в Шарипово, милиционеры ударили в набат, подняли хорошо вооруженную кулацкую дружину на ноги. Они выставили посты, устроили засады и долго ждали нашего наступления. Одновременно о нашем появлении ими было сообщено в Ачинск и окрестные села.

Ночью мы выступили и через высокие Ашпан-Уракские горы двинулись на Ужур. В пути к нам присоединилось еще несколько человек, но опять без оружия. Прибыв в село Кудун, отряд остановился, и мы решили вооружить наших безоружных товарищей. Немедленно заготовили палки толщиной и длиной с винтовку и роздали их всем безоружным. В этом же селе меня нашли двое товарищей, посланных ко мне для связи начальником партизанского отряда Щетинкиным, оперировавшим ниже Ачинска по реке Чулым. Щетинкин просил сообщить ему о предполагаемых действиях моего отряда, для того чтобы согласовать с ними свои. Совместно с присланными им товарищами я разработал план наступления на Ужур, Шарипово, Тисуль и Тяжин, где мы должны были взорвать железнодорожный мост, после чего уже могли бы пройти на Тухтет и соединиться с отрядом т. Щетинкина.

Я хотел разгромить пункты, снабжавшие противника в Ачинском уезде продовольствием, захватить оружие и оттянуть на себя часть сил с фронта, преследовавших Щетинкина.

Проснулись мы рано. Было еще темно, когда наши подводы запрудили улицы. После моей короткой речи выстроившемуся отряду взводные командиры роздали безоружным

товарицам заготовленные палки. Мы двинулись на Ужур. От Кулуна Ужур находится в четырех верстах. Отряд сел на подводы, без шума двумя степными дорогами под'ехал к цели и с криком «ура» ворвался в Ужур. Ужур обычно охранялся, но как раз в ночь нашего нападения охрана заснула и проснулась лишь при треске выстрелов из нашей деревянной трещотки, подражавшей звуку стрельбы из пулемета.

В селе началась паника. Уничтожая противника, добывая его, наши безоружные захватывали винтовки. Через час мы уже одержали полную победу. Во время налета погиб наш партизан Суров, убитый помощником начальника милиции Боровковым. Белогвардейцам Ужура мы воздали каждому по заслугам. Убийца т. Сухова отстреливался, пока нам не удалось поджечь дом, в котором он засел.

Ужур пал. С врагами мы рассчитались. Наш отряд опять увеличился. Теперь оружия хватало для всех.

Мы взяли с купцов контрибуцию и, положив тело товарища Сухова на сани, среди красных знамен, двинулись с пением революционных песен дальше, в открытую степь.

Недалеко к югу от Ужура, по дороге через Чебаки на прииск Богомдарованный, находилась Учумская экономия с десятком тысяч породистых овец, принадлежавшая московскому купцу Четверикову. Побыв в ней, мы забрали все найденное там оружие, взяли лошадей, седла и, превратив нашу пехоту в кавалерию, продолжили путь на Чебаки. Поздно ночью, не доезжая села Чебаков, мы круто повернули направо и к рассвету повели наступление на Шарипово.

Как и в Ужуре, мы заняли Шарипово почти без потерь. Дружину, состав которой состоял сплошь из кулаков или купцов, мы разбили, милицию уничтожили.

В это время противник, встревоженный нашими нападениями, выслал против нас значительные силы из Ачинска, Мариинска и Енисейска. Первой выступила против нас рота ценовиков из Ачинска. Проезжая через Ужур, ценовики узнали о нашем пребывании в Шарипове. Выставленные на окраине села наши посты ушли без разрешения погреться, а наш конный раз'езд увлекся разгоном толпы крестьян, громивших магазин купца Марьясова. Ценовики подошли никем не замеченные, к селу. Как только их увидели, в Шарипове среди населения поднялась паника. Люди бежали, сами не зная куда, и давили друг друга.

Я был в волостном правлении, где производил допрос пленных и арестованных. Узнал я о нападении ценовиков только тогда, когда увидел бегущую в страхе толпу.

Выскочив на улицу, я услышал крики: «Белые, белые!» и увидел, как от деревни Темря, ускоренным шагом, с винтовками наперевес, белые подходили к нашему селу. Собрав часть моих партизан, я бросился к окраине села, думая захватить крайние дома и открыть оттуда огонь по наступающим белогвардейцам. Но они меня опередили и захватили эти дома прежде, чем мы подбежали к ним. Мы вынуждены были рассыпаться в цепь по обеим сторонам улицы и бросились в контрнаступление. Постепенно наши цепи становились гуще, но я видел, что более половины наших людей все же отсутствует. Бой продолжался около трех часов, но в конце концов золотопогонники были отбиты. Мы потеряли троих убитыми и несколько ранеными. Противник бежал к спрятаным в логу подводам, оставив на месте тринадцать человек убитых и двух тяжело раненных. Белые на подводах, перегоняя друг друга, отступили к деревне Темря.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В тайге

В бою с нашей стороны участвовало всего человек пятьдесят. Остальные оправдывали свое отсутствие тем, что стреляли из домов, не успев выбежать, или были во время боя в больнице, или тем, что у них застрял патрон в винтовке, или тем, что они якобы помогали раненым. Одно было ясно: вступившая в наш отряд молодежь проявила себя с самой отрицательной стороны. Необстрелянные юнцы во время боя спрятались и не только не помогли нам разбить противника, но и боялись выйти на улицу.

После бегства белых крестьяне сложили в кучу трупы убитых ценовиков, в большинстве офицеров. Крестьяне по собственной охоте помогали нам, причем мне бросилась в глаза разница в их отношении к белым недавно и теперь. В том, как они смеялись над убитыми, особенно над трупом толстяка-подполковника, чувствовалась глубокая вражда к белогвардейцам, а еще недавно крестьяне если и не приветствовали разгром белыми советов, то во всяком случае этому не препятствовали. Я невольно вспомнил об отношении к нам в селе Трофимовке, где нас хотели выдать чехам.

Теперь чувствовалось, что перелом в настроении сибирского крестьянина-середняка уже наступил. В целом ряде рай-

онов начинаются восстания рабочих и крестьян, принимающие форму широкого партизанского движения, носящего все более организованный характер под влиянием упорной работы подпольных большевистских организаций. Из Омской и Томской губерний партизанское движение перебрасывается в Енисейскую, Алтайскую, губернии, Семипалатинскую область и в Забайкалье.

И мне казалось, что уже и нам пора думать о широком восстании против интервентов и белогвардейщины. Но меня беспокоила мысль, как я начну активную борьбу против белых с моим отрядом, в котором больше половины партизан при первых же выстрелах разбежалось. Принять же то или другое решение было необходимо, тем более, что от прибежавших ко мне крестьян сел Тисуль и Сушь я узнал, что карательные отряды белых уже недалеко и окружают нас со всех сторон.

Отправив двух партизан к Щетинкину, я мобилизовал в Шарипове достаточное количество лыж, продуктов питания, медикаментов, велел сшить для всех моих партизан белые халаты и решил отступить к Лысой горе, в тайгу, где можно было, не ожидая нападения белых, переформировать наш отряд, удалив из него всех малодушных и неустойчивых.

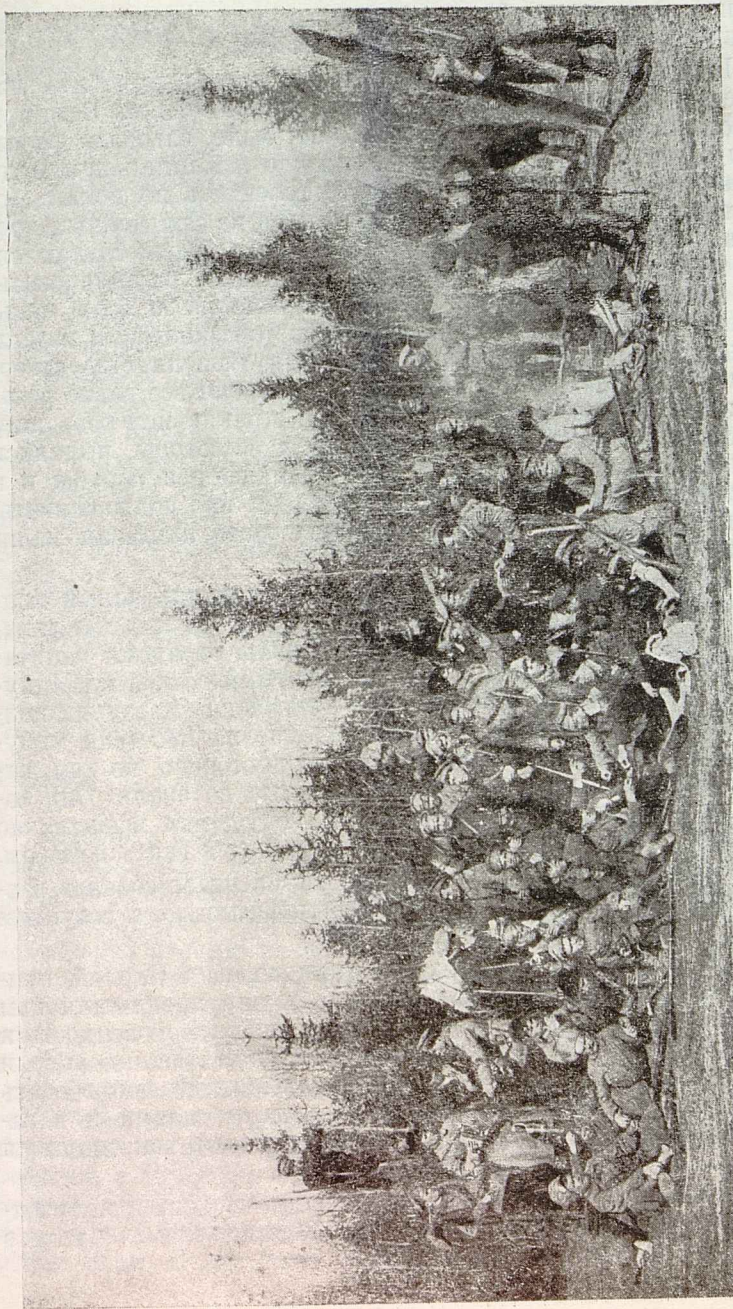
Численность отряда в это время достигала уже ста пятидесяти человек. Остановились мы в глухом лесу, на гористом берегу речушки Бережи, заняв почти неприступную позицию. В этом лесу мы похоронили первого убитого нашего товарища Сурова.

Выслав в сторону Парной лыжную разведку в белых халатах, я занялся подсчетом количества боееспособных партизан, оружия и продовольствия.

Приглядываясь ближе к каждому из партизан, я вынес убеждение, что подлинных бойцов в отряде не свыше двадцати пяти человек. Остальные были еще дети или нуждавшиеся в длительном обучении и подготовке к боевой работе.

Вскоре по приезде нашем в тайгу наши лыжники, посланные в разведку, сообщили нам, что белые обнаружили наше местоположение и наступают.

Мы подготовились к встрече. Как только внизу на поляне показалась первая цепь противника, мы открыли по ней с уступов горы фланговый огонь. Противник, не ожидавший отпора, оставил убитыми семь человек и в панике отступил. По обмундированию убитых мы определили, что наступали на нас казаки. Разведчики проводили огнем отступ-

Партизаны в тайге.

павших казаков до бережских мельниц и, вернувшись, донесли, что белые ушли к деревне Парной.

Несмотря на то, что нападение на нас было отбито, настроение у большинства партизан сильно упало. Всюду у разложенных в лесу костров можно было слышать разговоры партизан, в которых явно сквозило желание как-нибудь покончить с начатым восстанием и разойтись по домам. То, что против нас выслали не дружинников из зажиточных крестьян, а казаков, показывало, что с нами белые считаются, как с реальной силой, которую необходимо ликвидировать. Так объясняли появление казаков партизаны, и если меньшинство указывало, что при первом же столкновении казаки не выдержали нашего огня и бежали, то большинство утверждало, что с казаками борьба бесполезна: они все равно возьмут нас измором. Когда я и наиболее стойкие мои товарищи подходили к кострам и, вмешавшись в разговоры, пытались убедить партизан в необходимости дальнейшей борьбы и в ее успехе, так как крестьянство начинает нас поддерживать, то мы чувствовали, что на большую часть партизан наши доводы не действуют.

На следующее утро на бережской мельнице нашей конной разведкой были захвачены два казака. От них мы узнали, что все деревни вокруг Парной заняты отрядами капитана Ситникова, поручика Бологова, казачьей сотней из Минусинска, дружиной из Абаканска и Енисейским казачьим полком. Пленные показали, что наступление на нас вели минусинцы. Наступление несомненно будет повторено, но кем, какими частями и когда — об этом пленные не знали. Они сообщили нам также, что если белым не удастся выбить нас из нашей позиции, то решено окружить нас и взять измором.

Узнав то, что было нужно нам, мы пленных казаков расстреляли, так как они были не мобилизованные, а вступили в свою сотню добровольно.

Вскоре пришел к нам крестьянин деревни Парной, присланный белыми с письмом, в котором они предлагали нам сложить оружие и сдаться, гарантируя неприкосновенность и жизнь. Письмо было подписано капитаном Ситниковым и поручиком Бологовым. В ответ я предложил им попробовать выступить против нас, померяться с нами силами и в заключение написал о том, что мы скорее умрем, чем сдадимся гадам.

Присланный крестьянин, подтвердив сведения, полученные нами от двух пленных казаков, уехал с моим ответом в

Парную. Вслед за ним по горам двинулись наши лыжники на разведку.

О содержании письма я рассказал только наиболее стойким партизанам, но шила в мешке не утаишь, и о письме вскоре узнал весь отряд.

Снова начались споры, снова послышались панические разговоры о том, что положение наше безнадежно, что нас возьмут измором и потому сопротивление бесполезно.

Часов в девять вечера тишина тайги была нарушена визгом снарядов. Противник открыл против нас артиллерийскую стрельбу, стреляя вначале изредка, повидимому нацупывая наше расположение. Снаряды делали недолеты, падали далеко от нас то вправо, то влево, но грохот артиллерийского обстрела, усиленный во много раз таяжным эхом, произвел на необстрелянных партизан, не бывавших в настоящих боях, жуткое впечатление.

Большая часть из них, несмотря ни на какие уговоры мои и товарищей, в панике бросала окопы и, захватив с собой горсть или две сухарей, бежала на лыжах в глубь тайги.

Когда стрельба закончилась, окопы были почти пусты. Со мной осталось всего двадцать семь человек.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Террор

Ожидать наступления белых было нечего: ночью они наверно наступать не станут. Мы, оставшиеся, до утра разыскивали разбежавшихся товарищей, но никого не нашли. Они скрылись. Искать их дальше было бессмысленно. Чем объяснить это постыдное бегство? Неужели же ко мне в отряд шли исключительно трусливые люди, никогда в жизни не слышавшие выстрелов и боявшиеся вида крови своей и чужой? Или, быть может, вина лежит на мне, и я как командир никуда не годен? Или всему виной отсутствие дисциплины? Обида, пережитая мною в те дни, была велика. Раз и навсегда я покончил с мыслью о формировании большого отряда. Я решил окружить себя только испытанными, верными товарищами, с которыми бы можно было оперировать вблизи железной дороги, в тылу у белых, уничтожая главарей и их помощников, совершая неожиданные налеты и громя их тыловые базы. И для этого не надо большого отряда...

Похоронив на рассвете умершего от ран товарища, я с отрядом в конном строю проскочил между двумя парнинскими мельницами на реке Береже, занятыми казаками, и поднялся на Ашпан-Уракские горы. Здесь мы сделали привал, и я сообщил оставшимся со мной партизанам о моем новом плане борьбы, потребовав от них подчинения жесткой дисциплине и прекращения митингования. Не согласным со мною я решил вернуться домой.

После моей речи ушло от нас еще семь партизан. Со мной осталось всего восемнадцать.

В то время чуть не в каждой деревне стояли части белых и расправлялись с населением за прошлое, настоящее и будущее. Особенно отличался в Шарипове капитан Ситников, в Ужуре — офицеры Бологов и Петрунин и в Парной — минусинские казаки.

Все сочувствующие советской власти крестьяне поголовно уничтожались белыми. В Ужуре было расстреляно сто тридцать два человека. Расправой руководил офицер Петрунин. Мстя за своего отца, убитого нами, он уничтожал целые семьи крестьян. По его приказу, коммунист Голощапов Матвей, тяжело раненный в шариповском бою, был расстрелян дробинками на базарной площади, и его растерзанный на куски труп, привязанный к саям, долго таскали по Ужуре под свист и улюлюканье торжествовавшего кулачья. В Шарипове расправой руководил капитан Ситников. Им было расстреляно пятьдесят шесть крестьян и двое повешено. В Корнилове в числе расстрелянных был член нашей группы содействия Иван Николаевич Белошапкин и двое малолетних детей. В Парной белые расстреляли семьдесят восемь человек. То же происходило и в других селах. В Скрипачах, Косом Ложке, Кадате, Итате — всюду шла беспощадная кровавая расправа над крестьянами без разбора пола и возраста. Белыми был издан строгий приказ трупов не подбирать, и в течение трех месяцев собаки растаскивали по селам кости казненных.

Поголовное истребление населения, насилия карательных отрядов в южной части Ачинского уезда вынуждали крестьянство покидать деревни, бросать все на произвол судьбы и в трескучий мороз скрываться с детьми в степи, под кладами хлеба или зарываясь в стога сена, а затем группами, как переселенцы, уходить в Минусинский уезд, вливаясь в партизанские отряды, поднявшиеся против Колчака.

После того как мы оставили Лысую гору, белые, забрав оставшееся на месте нашей стоянки, закопанное в снегу иму-

щество — лишнее оружие, продукты, пуда три пороху, около сотни динамитных патронов, приобретенных нами на приисках для взрыва тяжинского железнодорожного моста, — и выкопав из могилы труп похороненного т. Сурова, решили вступить в бой с мертвым.

Победители, накинув удавную петлю на шею трупа, повесили его на ель и, раскачав, открыли по нему стрельбу, как по мишени.

Обо всем этом мы узнали после от одного из захваченных нами в плен белобандитов. Палачи вернулись в Парную и снова принялись рыскать по степи, как гончие, надеясь наконец захватить и нас. Но мы ушли к Белому озеру, где и расположились в заимке.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Белое озеро

Белое озеро раскинулось в длину верст на двенадцать, а в ширину на четыре-пять. Берега его сплошь заросли камышом. По северному его берегу стоят старожильческие села Корнилово и Косанголь, а на горном, южном — Можар и Сушь.

Остановившись в одной из отдаленных заимок, мы выставили на холмах часовых и решили отдохнуть от пережитого. Всех восемнадцать человек наша квартира не вмещала. Мы заняли не только все нары, но разлеглись и под нарами, и все же двое или трое должны были оставаться на морозе.

В первый же день нашего пребывания на заимке я решил с двумя партизанами и младшим братом пробраться для разведки в Корнилово.

Горами, березником, пробираясь иногда, через камыш, иногда ползком по снегу, добрались мы к вечеру до деревни. Пройдя знакомой тропинкой через огород в халупу партизана Тушина — он был с нами в разведке, — мы присели отдохнуть, съесть по куску хлеба и выпить по стакану молока.

Вскоре мы услышали, как мимо нашей избы проскакало несколько конных. «Если это казаки, то положение наше не из завидных», подумал я.

Мое предчувствие оправдалось. Заскрипели ворота, и раздался стук в закрытую дверь нашей избы. Товарищи взяли винтовки наизготовку, думая начать отстреливаться, — ведь иного выхода не было. Я молча втолкнул товарищей в кух-

ню, а сестре Тушина приказал открыть дверь, сам же спрятался в угол.

Через порог перешагнули два милиционера. Не успели они войти в комнату, как, направив на них два нагана, я закричал:

— Руки вверх! Я — Перевалов.

Милиционеры, побледнев от испуга, дрожащими голосами рассказали, что они присланы за Тушиной. Ее как сестру партизана вызывает на допрос начальник приехавшего в село казачьего отряда.

Приказав милиционерам не двигаться, я вызвал из кухни товарищей, и мы скрылись из деревни той же тропинкой, какой пришли.

Продукты и сведения мы получали из Корнилова регулярно. Однажды нам сообщили, что мимо тайги через Парную прошел к Минусинску партизанский отряд Щетинкина. После нашего разгрома часть карательных отрядов белых вернулась по домам, а часть осталась для расправы с населением и для преследования Щетинкина. Разъезды белых часто выезжают в Корнилово в поисках большевиков. Особенно ищут они, как передавали нам крестьяне, меня и моих братьев.

Наступила теплая погода. Начал таять снег, из прорубей показалась вода.

Отдохнув, наш маленький отряд направился в Аргу, где на контрибуцию, наложенную на ужурских купцов, мы купили у крестьян обмундирование и продукты. Нацелив на плечи погоны, мы двинулись дальше, выдавая себя за белых.

Заняв Аргу, мы разгромили боготолское лесничество, в пятнадцати верстах от Боготола. Белые отлично знали, что в Арге живут партизаны, несколько раз высылали против нас разведку, но, боясь, очевидно, засады или не зная нашей численности, нападать на нас пока что опасались.

К весне 1919 года наш отряд состоял из сорока пяти хорошо вооруженных и безусловно стойких бойцов. Колчаковские репрессии, преследования крестьянства, мобилизации и белый террор уже сделали свое дело, и сельское население Ачинского уезда готово было идти на большие жертвы лишь бы сбросить с себя власть белых. Так, по крайней мере, передавали мне приходившие к нам в отряд крестьяне.

Наученный горьким опытом, я решил проверить их слова — проехать по уезду, собрать сведения. Я одел офицерское обмундирование, взял с собой четырех партизан, переодетых колчаковскими солдатами, и на крестьянских подводах вы-

ехал в село Березовское. Ачинского уезда, где в то время свирепствовали белые. В пути я выдавал себя за начальника карательного отряда поручика Павлова. В Березовском мы застали шестьдесят человек дружины из кулаков. При моем входе в волостное правление все находившиеся там, приняв меня за офицера, встали и почтительно отдали честь.

Волостной писарь на все мои вопросы давал исчерпывающие ответы, и я узнал, куда поехали карательные отряды, кто входит в состав дружины и где милиция и т. д.

Осмотрев каталажную камеру, я велел кое-кого освободить и потребовал подвод. Через двадцать минут они были поданы, и мы уехали.

Выезжая из села, мы забрали в управлении милиции семь наганов, браунинг, десять винтовок, много патронов и направились к селу Ершову, где, по словам волостного писаря, находились милиционеры. Тут только поняли наши ямщики, что собою представляют их пассажиры, и рассказали нам, кто из милицейских в Березовском районе заслуживает первой пули.

Не доезжая версты две до Ершова, мы встретили крестьян, исправлявших на дороге мост. Они низко поклонились нам и на наш вопрос о том, где находится милиция, промычали хором: «В деревне». Вероятно, они решили, что мы едем помогать милиционерам расправляться с крестьянами.

На улице, куда мы въехали, было много народу. Мы остановили какого-то старика и от него узнали, что крестьяне собираются на сход двух сел — Ершова и Мангалы, созванного милицией. Сход назначен у дома сельского старосты.

Роли между нами были распределены заранее. Мы смело подехали к толпе. Крестьяне расступились перед нами и пропустили нас к воротам дома старосты. Милиционеры, заметя нас, выслали к нам хозяина дома узнать, кто мы. На мой вопрос выскочившему из ворот старичку: «Где староста? Мне нужны подводы», он ответил, что он и есть староста, но что все подводы заняты милицией. Я приказал ему выслать ко мне милиционеров. Я увидел, что у забора лежат до двадцати крестьян без рубашек, окровавленные, избитые плетью и шомполами.

Через минуту передо мной вытянулись, как перед офицером, три милиционера. Приняв рапорт от старшего из них, жестокость которого прославила его на весь район, я спросил его, что они здесь делают.

— Самогонные аппараты отбираем, господин поручик, — ответил он.

— А не издеваетесь ли вы над крестьянами?— задал я ему вопрос.

— Никак нет, господин поручик.

Я велел ему распорядиться о подводе для нас, и как только он сделал шаг, чтобы исполнить мое приказание, я выхватил браунинг и застрелил его.

Убитый мною милиционер был из крестьян села Березовского, в прошлом фельдфебель лейб-гвардии Финляндского полка, добровольно вступивший в колчаковскую милицию, и выделялся своим исключительным зверством. В деревне Парной он один расстрелял шестьдесят пять человек. Он первый ввел в обычай посыпать раны избитых шомполами солью.

Мои партизаны расстреляли двух других милиционеров.

Услышав выстрелы, увидя, что офицер и солдаты расстреливают милиционеров, крестьяне, ничего не понимая, бросились бежать, но, как только я закричал им и назвал себя, они вернулись обратно и, обрадованные, стали подходить ко мне и, перебывая друг друга, рассказывать о зверствах милиционеров, причем, как оказалось, все они были шомполами избиты белыми во время последней расправы.

Оставаться долго в Ершове мы не могли, и, попросив дать нам подводу, выехали обратно в отряд. В это же время по другой дороге крестьяне повезли убитых милиционеров на голых дрогах, как падаль, топить в реке Чулым.

О нашем нападении на милицию в тот же день стало известно в Ачинске, и на наши поиски были посланы под командой Петрунина карательные отряды. Они перепороли крестьян и заставили их бродить с неводами в холодной воде Чулыма до тех пор, пока они не нашли трупов утопленных ими с камнями на шеях милиционеров.

Капитан Троцкий

— Какой-то капитан, начальник районной назаровской милиции, его помощник и еще человек шесть милиционеров нас обобрали, перепороли, перешились самогонкой и уехали на ночлег в село Павловку, Ачинского уезда,— так говорили мне вскоре после моего возвращения в отряд два крестьянина, прибежавшие из деревни Боровской.

В этот же день поздно вечером я с двадцатью пятью партизанами выехал на лодках из Арги. Все мы были одеты в военную форму с погонами.

Поздно ночью мы пришли в Боровскую. Там нам подтвердили, что белые ночуют в Павловске.

Помначальника отряда т. Зубов.

На рассвете мы пришли к Павловску и рассыпались в цепь перед зданием земства, где почевали колчаковцы.

Веселая компания крепко почивала от тяжелых трудов, не подозревая о готовящемся сюрпризе. Я с тремя партизанами решил войти в дом. На мой стук хозяйка, извиняясь, открыла дверь и пригласила пройти в переднюю. В передней я встретился с солидным человеком. Мы отрекомендовались.

— Я — начальник уездной милиции, капитан Троцкий.

— Я — Перевалов.

Троцкий под дулами наганов замер, а в соседней комнате поднялась паника. Белые, пытаясь спастись, прыгали в окна, но под залпами партизан падали мертвыми. Вернувшись в свой отряд, мы в полном составе выступили и на другой день к обеду под'езжали к поселку Двуречному, Тухтетского района, где неожиданно для нас встретили партизанский отряд т. Зубова.

Отряд состоял наполовину из партизан, бывших раньше у меня. Они стали просить меня взять их к себе, но я предложил оба отряда слить. Вопрос был поставлен на обсуждение общего собрания партизан. Мое предложение было принято, и слившийся отряд избрал меня командиром, а моим

помощником т. Зубова. Еще до моего избрания я потребовал, чтобы отряд немедленно выступил из тайги, сел на коней и повел решительную борьбу с карательными экспедициями колчаковцев. Я указал еще на то, что в отряде в сто человек не должно быть никаких нестроевых должностей, все партизаны должны быть в строю и должна быть дисциплина и беспрекословное подчинение командиру и его помощнику.

На другой день, поздно ночью, отряд пересек железную дорогу, подошел к селу Павловке, куда только что прибыл карательный отряд белых. Пустив конную разведку в обход Павловки, в засады, на случай бегства белых, отряд повел наступление. Белые, заметив наше наступление, в панике забились и тут же, в одном из домов, были окружены кольцом отряда. В результате большая половина белых была взята в плен, часть побита, а сопротивлявшееся офицерство было сожжено. После боя отряд выступил в Ершово, где мы расположились на ночлег, выслав конную разведку на противоположный берег Чулыма. Мы собирались на другой день взорвать железную дорогу между Итатом и разездом Бурдатским.

Утром мы выступили в Чернышово, и там нагнали нас наши разведчики и сообщили, что из Итата против нас выступили чехи.

Мы решили их встретить у села Макарова. Оно расположено на левом берегу речи Чулыма и со стороны Итата обнесено густым березником. Только что я успел распределить по березнику наши засады, как послышалась ружейная стрельба.

Чехи-разведчики, не ожидая, что в березнике прячутся партизаны, ехали на подводах в Макарово и наткнулись на нашу засаду. После недолгой перестрелки они бежали, оставив двух убитых и одного раненого, который рассказал нам, что в Итате паника и что чешские части на станции Итат, узнав о приближении нашего отряда, выступили против нас с орудиями и пулеметами. Их силы: два батальона пехоты, пулеметная команда, одна батарея и два эскадрона гусар. Выступить против нас собираются и гарнизоны соседних станций. «Если все это правда, — подумал я, — то достанется нам на орехи».

Наши засады были мною развернуты в цепь на опушке густого березника. Вскоре разведка донесла нам, что в лоб нам наступают две цепи противника и кроме того часть чехов пошла в обход с итатской дороги, стремясь нас окружить.

Вскоре мы увидели чехов. Они наступали на нас перебежками. Кто-то из партизан выстрелил по ним, и сразу за

первым выстрелом раздался неровный перекал залпов. Чешская цепь залегла и открыла по нас ураганный ружейно-пулеметный огонь.

После длительной перестрелки чехи перешли в наступление на наши фланги, пытаясь сжать нас и сбросить в реку Чулым. Мы энергично отстреливались.

Наступили сумерки. У нас потери были небольшие, но с каждой минутой все сильнее чувствовался недостаток патронов. Они были на исходе. Наконец правый наш фланг не выдержал и, медленно отступая, скучился на окраине деревни. Бой мы проиграли. Это стало нам ясно.

Я отдал приказ: отступить пехоте под командой т. Бурева через железную дорогу на сборный пункт Двуречный, резерву под командой т. Зубова на лодках через Чулым в Аргу, коннице — в степь.

Для того чтобы облегчить отступление и отвлечь от отряда внимание противника, я с девятью кавалеристами решаю прорвать чешскую цепь на левом фланге.

Я коротко объяснил свой план отобранному мною наиболее стойким кавалеристам и категорически потребовал от них его выполнения.

Мы тронули лошадей и с криком «ура» бросились карьером на чешскую цепь, веря, что нам поможет как наступавшая уже темнота, так и неожиданность нашей атаки. Противник растерялся, и только когда мы уже проскакали его цепь, раздалась первые выстрелы. Один из наших партизан вылетел из седла и грохнулся на землю, а его конь, подстегиваемый жужжанием пуль, задрав голову, повернулся и поскакал обратно. Мы сдержали лошадей лишь верстах в трех от боя, в лесу, где и дали им передышку.

Наступила ночь. Кругом в лесу было сумрачно и тихо. Нигде ни звука.

Немного отдохнув, мы поехали по дороге к Тарасовке, а оттуда в поселок Двуречный.

На другой день к обеду мы были уже на сборном пункте — в поселке Двуречном, где по моему приказу должен был собраться весь отряд. Мы, заехав на квартиру к одному из наших партизан, поставили самовар и собирались уже пить чай, как вдруг кто-то закричал: «Чехи едут!» Пока я надевал пояс с револьвером и бомбами и схватил свой японский карабин, партизаны выскочили из избы, и я был уверен, что они сейчас начнут бой. Но, выбежав вслед за ними, я увидел их убегающими через огород в лес. Тщетно кричал я с крыльца дома, чтобы они вернулись обратно.

Перевалов Михаил 2-й

Чехи были уже в деревне и, заметив убежавших партизан, открыли огонь. Я остался один. Положение было безвыходное. Я выскочил через окно в огород, где вынужден был в упор выстрелить в последний раз в окружавших меня чехов и мигом скрыться под снопами конопли.

Я слышал, как трещали пулеметы чехов, стрелявших по партизанам. Чехи ограбили всю деревню, сожгли много домов, по числу своих убитых изрубили крестьян и побросали их трупы в огонь подожженных халуп. Взвалив на телеги своих убитых и раненых и навьючив целый обоз награбленной крестьянской рухлядью, чехи уехали в Тюхтет. Среди других домов они подожгли и тот дом, где мы остановились. Вслед за домом загорелся забор. Скрываться дальше я уже не мог и, оглядываясь по сторонам, осторожно выбрался из-под спасшей меня конопли.

Пройдя позади деревни по огородам, я добрался до леса, где вскоре разыскал своих партизан, с которыми и вернулся в Двуречное ожидать отряд. К вечеру на крестьянских подводах приехала наша пехота, а ночью в деревню вошла с песнями кавалерия. Не досчитываюсь нескольких товарищей и в их числе двух моих братьев. Одного чехи ранили, а второго, раненного во время боя, искололи штыками и зарыли еще живого в землю. Прибывшие партизаны рассказывали, что против нас выслано семь чешских отрядов, которые, по словам крестьян, намерены окружить нас со всех сторон и затем уничтожить.

Н. X. Перевалов

В Поваренкове

Я решил отвести наш отряд на более удобную позицию и там привести его в порядок. Наиболее удобным пунктом для этого оказалось село Поваренково. Отсюда мы делали налеты на железную дорогу, спуская под откос воинские эшелоны и товарные поезда, прерывали почтовые и телеграфные операции белых, нападали на милицию и терроризовали колчаковский тыл. Белые проникать в тайгу боялись. Они окружали железнодорожные станции окопами, высылали в окрестные села карательные экспедиции, охраняли железную дорогу бронепоездами, но все их мероприятия не причиняли нашему отряду почти никакого вреда. После каждого налета мы снова скрывались в тайге.

В конце июня поваренковский волостной старшина получил от начальника тюхтетского гарнизона требование точно выяснить наше местоположение и количество партизан в отряде.

Мы поняли, что против нас готовится экспедиция. Я решил вырвать инициативу у белых. Отдав моим партизанам приказ быть готовыми к выступлению, я написал начальнику гарнизона от имени поваренковского старшины донесение, в котором сообщал, что переваловские партизаны, всего около ста человек, ограбили население и уведя крестьянских лошадей, ушли на север.

Отослав письмо, я велел нашему отряду выступить сначала действительно на север, а затем повел его через боло-

та обратно на поваренковский тракт, около которого в густом лесу мы и стали поджидать белых. Я был уверен, что после моего донесения колчаковцы обязательно появятся в Поваренкове, для того чтобы оттуда начать нас преследовать.

Когда партизаны заняли указанное мною место, я ознакомил их с моим планом нападения на белых. Партизаны его одобрили и долго смеялись над начальником гарнизона, который, вероятно, уже потирает руки от радости, предвкусывая, что наконец наступит и уничтожит переваловскую «банду».

В засаде мы прожили трое суток, когда прибежал один из наших разведчиков и сообщил, что колчаковцы уже недалеко. Вскоре сквозь заросли леса и густой кустарник мы увидели ехавших по тракту колчаковцев. Подпустив их совсем близко, мы дали по ним залп и бросили в них несколько ручных гранат. Колчаковцы, не ожидавшие нападения, почти не сопротивлялись. В течение двух-трех минут с ними было все покончено. Человек тридцать из них было убито, остальные, около семидесяти, сдались, не сопротивляясь.

Пленных мы отправили в Поваренково, а сами остались тут же в засаде ждать следующего отряда белых, так как от пленных мы узнали, что главные силы колчаковцев, семьсот человек, идут вслед и находятся верстах в семи от места боя.

Был уже вечер. Стал накрапывать дождь, вскоре превратившийся в ливень. Мы вымокли насквозь, а колчаковцев все нет и нет. Мы напрасно прождали их до утра. Только потом мы узнали, что во время нашего нападения на головной отряд колчаковцев несколькими из них удалось спастись. Добравшись до своих, они их предупредили, что в тайге засада, и колчаковцы, испугавшись боя ночью в лесу с партизанами, числа которых они не знали, решили вернуться обратно.

На следующее утро мы были снова в Поваренкове. Удостоверившись, что взятые нами в плен белые не добровольцы, а мобилизованные, мы освободили их, предложив желающим вступить в наши ряды. Согласились на наше предложение только трое. Оставшись у нас и вскоре всецело войдя в нашу жизнь, они захотели привлечь к нам и своих земляков из тюхтетского гарнизона. Они были уверены, что им удастся уговорить колчаковцев-солдат перебить своих офицеров и, захватив пулеметы, перейти на нашу сторону.

Я не возражал, и они ушли от нас, твердо веря в успех задуманного ими предприятия. Придя в Тюхтет, они явились к своему начальству и заявили, что во время боя им удалось

скрыться от партизан, но, заблудившись в тайге, они только теперь сумели выбраться из нее и вернуться в свою часть. Сначала белое командование им поверило, но затем их увидал кто-то из тех, кого мы отпустили из плена, и донес начальству, что они лгут: они не только не бежали во время боя от красных, но добровольно перешли к ним.

Было назначено расследование, и после пыток и избияния шомполами эти три товарища были повешены.

Как-то, напав на раз'езд Тисуль и взорвав все станционные сооружения, возвращались мы в Поваренково.

Ехали мы весело, пели песни и делились впечатлениями от удачно проведенного налета. Сообщение по железной дороге было нами прервано, водокачка и путь взорваны, в ряды колчаковцев снова внесено смятение — и все это без всяких для нас потерь.

В Поваренкове, зайдя в избу, где я всегда останавливался, я увидал уже ожидавшего меня ад'ютанта отряда — т. Ворсина.

— Товарищ Перевалов, — встретил он меня, — лубковцы¹ приехали!

— Ну и хорошо, — ответил я, — милости просим. Расквартируй их, товарищ Ворсин, а старших пришли к нам.

— Присылать-то некого, товарищ Перевалов, они все раненые.

Решив узнать подробнее о приезде лубковцев, я хотел выйти к ним, но в дверях столкнулся с незнакомым мне человеком. На мой вопрос, что ему надо, он ответил:

— Я — фельдшер отряда Лубкова. Раненых привез. Мне нужно видеть Перевалова.

— Товарищ Ворсин, — обратился я к ад'ютанту, — сделайте распоряжение о немедленном освобождении дома волостного правления и организуйте в нем госпиталь для раненых. А вы, — обратился я к фельдшеру, — зайдите к нам в штаб.

За стаканом чая фельдшер рассказал о том, как попал к нам.

До последнего боя на станции Бериккуль отряд Лубкова насчитывал до ста пятидесяти человек. Отряд нападал на колчаковцев и чехов почти всегда успешно. Услышав, что на станции Бериккуль стоит около взвода чехов, лубковцы решили напасть на них. Несколькими гранатами, брошенными

¹ Лубковцы — партизаны из отряда Лубкова, оперировавшего в северной части Маринского уезда.

в казарму, часть чехов была перебита, остальные в панике бежали. Но в это время к ним подошли подкрепления и окружили лубковцев со всех сторон. С большими потерями лубковцы прорвались сквозь цепь чехов и скрылись в тайге.

— На одном из сборных пунктов, — рассказывал фельдшер, — я на другой день встретил группу раненых, погрузил их в подводы и увез, боясь, что по нашим следам придут белые и перебьют всех раненых и больных.

Фельдшер рассказал нам про свою семью. Его отец, мать, две сестры и младший брат убиты белыми. Их дом сожжен. И, рассказывая о расправе колчаковцев с его семьей, фельдшер заплакал, как ребенок.

Проходили дни. Раненые лубковцы, окруженные заботами отряда, заметно поправлялись. Они охотно рассказывали нашим партизанам о своей жизни, боях с белыми и о подробностях разгрома их отряда. Вскоре часть их уже окончательно поправилась и стала принимать участие в наших налетах на железную дорогу и эшелоны белых.

До занятия Поваренковского и Тюхтетского районов наш отряд насчитывал до двухсот человек. Они подразделялись на взводы, отделения и звенья. Вести войну позиционную, удерживать захватываемые нами районы или деревни мы вследствие нашей малочисленности конечно не могли. Мы вели войну методами исключительно партизанскими, терроризируя белых непрерывными нападениями на их тыл, прерывая линии их сообщения, взрывая железнодорожный путь, вздочки, мосты, уничтожая милицию и карательные отряды, и отвлекали этим на себя значительные силы колчаковцев с фронта.

После занятия нами Поваренковского района численность отряда значительно возросла, и в связи с этим я внес некоторые изменения в его структуру.

Из партизан-кавалеристов я организовал четыре эскадрона, каждый по восемьдесят пять человек. Была создана комендантская команда, хозяйственная часть, оружейная мастерская и госпиталь. Для особо опасных предприятий я выделил около ста наиболее надежных партизан в летучий отряд. Общая численность отряда после вступления в него тюхтетцев и поваренковцев достигла пятисот пятидесяти человек. Начальником отряда был я, рабочий из села Итат; моим помощником был Бурков-Зубов, рабочий станции Боготол; обязанности адъютанта исполнял Ворсин, рабочий красноярских мастерских, коменданта — Дымовский, политический ссыльный.

Фельдшер отряда Наташа Бушуева.

Эскадронами командовали двое енисейских шахтеров, латыш из матросов и двое из местных крестьян, а летучкой — матрос т. Быцин.

Дисциплина отряда нельзя сказать, чтобы была образцовая, но все же по сравнению с другими партизанскими отрядами была неплохая. Хулиганство, мародерство, насилие — этих явлений мы не знали. Трусов и шкурников мы обезоруживали и изгоняли с позором из отряда. К другим наказаниям мы не прибегали.

Политработы такой, какую нужно было бы проводить в отряде, никто не вел, да и некому было вести ее. Иногда мы устраивали в селах митинги, разъясняя, как могли, цели и задачи советской власти и программу партии большевиков. И теперь, вспоминая наши выступления, кажется, что грубых ошибок мы не делали, — так ясно запечатлелись в нашей памяти простые и всем понятные лозунги классовой борьбы, впервые услышанные нами, фронтовиками, от большевистских партийцев на германском фронте в предоктябрьские дни.

Много затруднений доставлял нам продовольственный вопрос. Район, занятый нами, был беден, средств же для покупки продуктов у нас не было. И мы жили только тем, что захватывали у колчаковцев и у кулаков.

Наша оружейная мастерская находилась в селе Поваренкове. Работало в ней около десяти человек, и работы было очень много. Возглавляли мастерскую хорошие мастера из этого же села.

Медицинскую помощь раненым и больным оказывала фельдшерица Наташа Бушуева, командированная к нам кра-

сентябрьской большевистской подпольной организацией. Энергичная, самоотверженная, она пользовалась у партизан большой популярностью как хороший врач и как боец. Бельничного обмундирования, халатов и белья было у нас достаточно, но перевязочным материалом служил у нас холст.

Основным лозунгом, под которым шли в бой партизаны, был: «Вся власть советам». Недостатком в боевой деятельности наших партизан являлось нежелание уходить далеко от своих сел и деревень.

За последнее время своего существования отряд значительно окреп, оружия и патронов у нас стало достаточно, обмундировано большинство партизан было прилично, и все имели лошадей. Все это создавало чрезвычайно благоприятные условия для борьбы с колчаковцами, тем более что сочувствие подавляющего большинства крестьянства было на нашей стороне.

Но осенью 1919 года положение изменилось для нас значительно к худшему. Во-первых, с началом зимы окружавшие нас болота замерзли и тем облегчили для белых возможность нашего окружения. Во-вторых, колчаковцы, обеспокоенные за свои линии сообщения, особенно в период происшедшей тогда их эвакуации на восток, решили покончить с нами и бросили против нас значительные силы, которые должны были нас уничтожить. И, в-третьих, зима катастрофически должна была отозваться на нашем снабжении. Жить же за счет бедняков мы не считали возможным. Стало ясно, что нам нужно или уходить от железной дороги на соединение с отрядом Щетинкина или Лубкова, или пробиваться к наступающей Красной армии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На соединение с Красной армией

В октябре я принял твердое решение оставить занятый нами район и пробиться на соединение с Красной армией. В это время она находилась у Тобольска. Из всего отряда итти со мной согласилось всего сто пятьдесят партизан, наиболее решительных и мужественных. Я выделил из них двадцать пять человек, снабдил их всем необходимым, дал им маршрут через Обь-Енисейский канал, причем этот путь до Тобольска они должны были сделать на оленях и на лошадях. Они шли

как разведка в авангарде. Вслед за ними должна была выступать остальная часть отряда.

Горсточка храбрецов покинула нас с пением нашей любимой партизанской песни.

Гей, партизаны, голову выше.
Гей, орлы, марш вперед!
Белые гады еле уж дышат.
За свободу, советы, партизаны, вперед!

Бога нет, царя нам не надо,
Колчака мы не признаем,
Нас не страшит белых преграда,
Дорогу сквозь них мы пробьем.

Наша задача — пробиться, ускорить,
С фронтом связаться и с ними в обход,
Оружье подбросить, чем силу утроить,
Разбить Колчака. Партизаны, вперед!

Бога нет, царя нам не надо,
Колчака мы не признаем,
Нас не страшит белых преграда,
Дорогу сквозь них мы пробьем.

А если погибнуть в пути нам придется
От голода, холода или зверь задерет,
Пусть хоть один из нас до цели добьется,
И то будем мы рады. Партизаны, вперед!

В пути наш авангард в неудачном бою с колчаковцами потерял всех лошадей и запасы продовольствия, но, как верные солдаты революции, партизаны не остановились перед угрозой голодной смерти в тайге. Едва отбив нападение белых, они не сдались в плен, а двинулись вперед пешком, не имея куска хлеба. Им оставалось пройти еще около трехсот верст.

Об этом рассказал нам один из партизан, вырвавшийся из колчаковского окружения и прибежавший к нам.

Получив это известие, я в тот же день покинул Чулым и с остальной частью отряда двинулся форсированным маршем, желая как можно скорее подать помощь ушедшим вперед товарищам.

Пройдя деревню Щелевую, отряд круто повернул на Староенисейский тракт, в Енисейский уезд. В пути мы разоружали кулацкие дружины и громили милицию.

В селе Маковском, где мы не надолго остановились; ко мне на квартиру ввели крестьянина с пакетом, адресованным маковскому сельскому старосте. Весь затянувшийся от моро-

за крестьянин передал мне, что он из села Еланского. К ним приехал человек шестьдесят колчаковцев под командой офицера Портнягина, который и послал его с пакетом к старосте. Я тут же вскрыл пакет. В нем лежал приказ начальника енисейского гарнизона Пономарева старосте села Маковского о том, что в связи с вторжением в Енисейский уезд из Ачинского «банды Перевалова» сельские власти должны немедленно мобилизовать все оружие, усилить в селе дружину и устроить засаду. Роль старосты, за которого меня принял крестьянин, я решил разыграть до конца и написал на имя начальника гарнизона письмо, в котором сообщал, что к усилению дружины и мобилизации оружия я приступил и надеюсь скоро разбить переваловцев.

Письмо я подписал: «Маковский сельский староста Перевалов», и отдал письмо крестьянину. Он ткнул пакет за пазуху и выехал, а вслед за ним выступило пятьдесят наших партизан, для того чтобы устроить засаду на колчаковцев. Но они так и не появились, и партизаны просидели в засаде двое суток безрезультатно. Очевидно, так напугала их подпись «старосты», что они решили вернуться в Енисейск.

Из села Маковского мы выступили в путь по реке Кети и благополучно добрались до Обь-Енисейского канала, где нам передали, что недавно тут прошел наш авангард, частью на оленях, частью на лыжах.

Обь-Енисейский канал

В красивом сосновом бору, у соединения реки Кети с рекою Кас, стояло несколько казенного типа домов.

В них жили служащие и рабочие Об-Енисейского канала, на обязанности которых лежала охрана шлюзов, очистка протока, пропуск пароходов и т. д.

С начала империалистической войны пароходы через канал проходили все реже, а в гражданскую войну их рейсы почти совсем прекратились. В 1918 году на канал пришла баржа с крупчаткой для рабочих, а мясо они доставали сами охотой.

Жили они оторванными от промышленных центров, породнившись с окружающим местным населением. Лишь изредка доходила до канала слухи о том, что происходит в Сибири и Советской России.

Наш приход на канал был для рабочих неожиданностью, так как они ждали, что за нашим авангардом должны прийти преследовавшие его белые. И нашим уверениям, что мы—крас-

ные и из одного же отряда с теми товарищами, что недавно были здесь, рабочие не верили, принимали нас враждебно и от ответов уклонялись. Мы вынуждены были созвать общее собрание и на нем рассказать о себе подробнее, называть имена и фамилии прошедших раньше через канал товарищей, и только тогда недоверие рабочих рассеялось и они указали нам, куда и куда выступил отсюда наш передовой отряд. После собрания отношение к нам резко изменилось, и мы почувствовали себя как дома.

Кто видел горе, тот поймет, какая у нас была радость, когда мы услышали о наших товарищах, что они живы. Немедленно за ними вдогонку было послано несколько партизан во главе с т. Ворсиным. Время шло мучительно медленно, но наконец на другой день к вечеру мы увидели бегущих оленей, запряженных в нарты, и на нартах наших товарищей. Часть из них была ранена, и все обморожены.

После горячей и радостной встречи они на общем собрании рассказали обо всем, что пришлось вынести им в дороге. Во время последнего боя они потеряли восемь товарищей, убитых белыми. Большинство из оставшихся было легко или тяжело ранено. Они блуждали в лесу без надежды оттуда выбраться и готовясь к голодной смерти. Только случайно наткнулись они на след на снегу от саней и по этому следу после долгих блужданий добрались к каналу.

В пути они питались исключительно травой-белоголовкой и мерзлым шипишником, доставая их из-под снега, и за все время убили только трех рябчиков, которых фельдшер разделал ножницами поровну каждому.

Обмороженные и раненые едва передвигались. Все были в отчаянии. Кто-то предложил покончить всем самоубийством, и, если бы не случайно найденный след, предложение это было бы принято и претворено в жизнь.

Лишь недалеко от Обь-Енисейского канала они встретили остяков, и те немного накормили их и оказали кое-какую помощь.

До канала добрались только трое, остальные настолько обессилели, что за ними потом пришлось посылать лошадей.

Придя на канал, встреченные чрезвычайно радушно рабочими, товарищи отдохнули, окрепли и двинулись, уже на оленях, в дальнейший путь, из которого мы их вернули. Но один из товарищей так отморозил себе ноги, что спасти его было уже нельзя. И он это понимал. Тут же на канале он застрелился...

Слушая их рассказ обо всех этих мытарствах, многие из нас вытирали слезы.

В походе на лыжах

На Обь-Енисейском канале мы встретили одного человека, показавшегося нам вначале довольно подозрительным. Небольшого роста, брюнет, с львиной гривой черных волос, он выделялся среди рабочих. Он не отходил от товарищей, интересовался, кто мы, куда следуем, расспрашивал нас о политических настроениях крестьянства, о положении белых и красных. Всего подозрительнее показалось нам то, что сам он якобы ничего не знает, как будто с луны свалился.

На мой вопрос он назвал себя представителем енисейской кооперации. Он только что приехал на канал. Он по заданию енисейской кооперации исколесил весь север вплоть до побережья Ледовитого океана, изучая жизнь остяков, тунгусов и юраков, и собрал богатый этнографический материал — результат трехлетнего труда. Он рассказал мне, что в прошлом за принадлежность к партии эсеров был осужден и отбывал ссылку в Туруханском крае, где пробыл одиннадцать лет. Он отлично знает этот край и изучил его, с эсерами у него все покончено, а потому, как сказал он, ему хочется быть со мной, как с красным партизаном, откровенным. И он предупредил меня, что Колчак укрепляет порт в низовьях Енисея и подготавливает для своих отрядов опорные пункты в Туруханском крае. Из всего этого кооператор делал вывод с необходимости для нас быть особенно осторожными в пути, дабы не попасть белым в руки.

И, закончив свой рассказ, он снабдил меня картами и своими записками, поясняющими все детали пути, за что я был ему очень благодарен, и мы расстались, как старые друзья.

Лошадей отряда, а их было около ста кятидесяти, мы за ненадобностью отправили с рабочими канала в Енисейский и Ачинский уезды, поручив передать их через сельскую власть хозяевам.

Мы запаслись продуктами, наделали сухарей из крупчатки, взяли каждый по одной бутылке спирта, снабдили нашу походную аптечку медикаментами из местной аптеки и, от всей души поблагодарив рабочих за теплый приют, двинулись к реке Кельчме — большие на оленях, а остальные на лыжах во главе со стариком-тунгусом Осипом.

Дедущка Осип на широких тунгусских лыжах не шел, а будто летел. Наш отряд едва поспевал за ним. Первое время товарищи, несмотря на свои тяжелые вещевые мешки, шли весело, с прибаутками, но к обеду уже выдохлись: у кого снег к лыжам пристаёт, а у кого веревочки от лыж ослабли.

К вечеру уже многие от усталости едва передвигались. Приходилось часто останавливать отряд и поджидать отставших.

— Смотри-ка, смотри, солнце-то какое большое да красное! Это что же значит? — раздается чей-то голос в морозном воздухе.

— Это значит, что завтра градусов сорок мороза будет, а быть может и с хвостиком, — ответил кто-то, видно, бывалый.

И снова наступило молчание. Все так устали, что не до разговоров и шуток.

Наконец решаем остановиться на ночлег.

Дружно закипела работа. Стук топоров и пил, треск падающих на землю сухих деревьев, нарушили таежный покой.

Товарищи разбрелись по лесу, и вскоре один за другим вспыхнули костры, слизывая нижние сучья пихт своими огненными языками.

Вокруг костров партизаны отаптывают, разгребают лыжами снег, подстилают пихтовые сучья; у некоторых кипит уже чай и около огня сушатся портянки.

Как ни тихо в густой северной тайге, но мороз свое берет, костры помогают мало, и на рассвете без всякой команды отряд уже был на ногах.

Напившись чаю, мы двинулись дальше.

Партизаны, весело разговаривая, двигались заметно скорее, чем в первый день. Сосновый бор, гари, густые пихтачи сменяются частыми еланями.

— Стой! Курить! — передается по цепи команда дежурного, и партизаны, как снопы, валяются на снег.

— Сегодня, кажется, легче идти, чем вчера, да и пройдем больше, наверное? — спрашивает молодой партизан, по виду совсем подросток, идущего с ним рядом бородатого широкоплечего шахтера.

— Ничего, сынок, что ни дальше, то легче будет, — отвечает, жадно затягиваясь, шахтер.

На третий день похода мы встали пораньше и решили пройти последний переход без остановок.

Дедушка Константин и бабушка Марья

На берегу небольшой тасжной речушки Кельчмы, в основном бору, мы увидели несколько тунгусских чумов — конусообразных шатров из оленьей кожи с отверстием наверху для дыма от костра, раскладываемого в чуме.

Вокруг стояли нарты, валялась оленья сбруя и целыми тушами было навалено медвежье, лосиное и оленье мясо. Недалеко вокруг по бору бродили, раскапывая глубокий снег и доставая мох, домашние олени.

Мы были встречены неистовым лаем тунгусских собак. Из чумов показались удивленные лица тунгусов.

Партизаны стали располагаться лагерем рядом с чумами, разводить костры, готовить обед, кипятить воду. Меня тунгусы пригласили в чум к старику-шаману — дедушке Константину. С ним, юрким старикашкой, жила в чуме вся его семья — сыновья, их жены и дети — всего тринадцать человек.

Сидевшие вокруг костра тунгусы пригласили меня пройти вперед и присесть на маленькую скамеечку. Передо мной, как перед гостем, появился на разостланном коврике хлеб, затем было подано мясо, и тунгусы настойчиво просили меня есть. Осматривая чум, я остановил свой взгляд на посуде. Кастрюли, чашки, котлы были покрыты толстым слоем сала и грязи. Но еще более порастил меня вид повара. Был ли повар мужчиной или женщиной — определить было невозможно, так как у тех и у других — длинные волосы, одеты все в кожаную одежду, а по лицу отличать тунгуса от тунгуски я так и не научился — настолько похожи они друг на друга, и к тому же существо, приготавливавшее нам еду, никогда в жизни не умывалось, как, вероятно, и большинство обитателей чума.

Отказавшись под каким-то предлогом от еды, я разговорился со стариком. Он начал с того, что ему сто четырнадцать лет. Он рассказал мне, что был хорошим охотником и перебил немало медведей, а теперь из-за старости и на лыжи становится редко. Старик увлекся разговором, причем говорил только о себе.

На мой вопрос, бывают ли тунгусы в Енисейске и сколько отсюда до города верст, дедушка ответил, что тунгусы компасов не имеют и верст не считают, а идут день и ночь. Тунгусы даже ночью, пощупав дерево, скажут точно, где север, а где юг. Для них тайга, что для русских село или город.

— Вот, — говорит дедушка, — если бы мне велели, то без всяких инженеров я провел бы просеку прямо в Москву.

Заметив, что старик снова собирается говорить о себе, я отдал распоряжение ребятам принести спирт. Выпив и уготив соседей, пришедших к нему в чум, дедушка склонил голову, тяжело вздохнул и начал рассказывать о своем пребывании в Енисейске.

В феврале 1919 года он со своим сыном и другим тунгусом, забрав порядочное количество пушнины и медвежьих и оленьих шкур, отправился в Енисейск. Ехали они тайгой дня четыре. В городе они собирались зайти к одному купцу-татарину, который обычно покупал у тунгусов пушнину, снабжая их всем необходимым для хозяйства. В город вехали они поздно вечером и были немедленно остановлены какими-то людьми с ружьями, которые обыскали их.

— Мы, — рассказывал дедушка, — испугались, но поехали все же дальше. В городе нас снова обыскали и напугали так, что мы едва нашли купца. Он предупредил нас, что в городе неспокойно, идет война за власть между двумя народами — красными и белыми, но белые побеждают, чему купец был очень рад. Утром рано мы проснулись от выстрелов на улице, и хозяин потом объяснил нам, что стреляли в бежавших красных. Утром хозяин нас угостил вином и пригласил с собой на берег реки Енисей. Вот тут, — старик вздохнул и выругался, — мы увидели, как на середине реки из толпы солдаты вытаскивали раздетых и разутых людей и толкали их в большую прорубь. Ох! — старик выругался еще раз и вздернул плечами. — Ох, и холодно, должно быть, в этой проруби!

Я налил старику еще стакан спирта.

— Ну, дед, погреемся. — Чокнулись. — Продолжай.

— Но я ведь не знаю, может быть, и вы тоже зря убиваете народ. — И старик замялся.

Я вынужден был коротко пояснить ему разницу между белыми и красными. Старик внимательно выслушал меня и продолжал свой рассказ:

— Мы не шли, а бежали на квартиру. По городу суета, конные милиционеры кричат «расходись», разгоняя народ. Вдруг из-за угла во всю прыть к каменным казармам, или тюрьме, проскакали казаки, и купец домой идти не хочет и нас не пускает, зовет посмотреть. Вдруг слышим — стреляют. Купец говорит, что это казаки большевикам кровь пускают и надо пойти посмотреть, как те будут держать себя у могилы. Я не пошел, а сын пошел. Когда сын вернулся на квартиру, он был бледен и дрожал от испуга, как будто боролся с мед-

ведем голыми руками. Пить чай он отказался и, чигая все время молитвы, просил меня скорее уехать домой. Мы стали просить купца, чтобы он рассчитался с нами за пушнину, но он ответил, что у него деньги в банке и получить их можно только завтра. Мы вынуждены были остаться ночевать. Утром рано я опять обратился с просьбой к купцу, чтобы он нам заплатил следуемые за пушнину деньги. Он пообещал и ушел в город, но оттуда вернулся только после обеда и совсем пьяный. С ним пришел какой-то начальник с револьвером.

Хозяин вошел в кухню, где мы помещались, и неожиданно для нас объявил, что так как мы якобы деньги за пушнину уже получили, то наши расчеты закончены, а потому мы должны немедленно оставить его дом.

Мы с недоумением переглянулись с сыном, не понимая, в чем дело. Я выступил вперед и сказал, что мы никаких денег не получали. Тогда купец набросился на меня, схватил за горло и стал душить, приговаривая: «Что же вы второй раз деньги требуете? Вы, мерзавцы, тоже большевики, и вас утопить в проруби следует». Когда я, старик, избитый хозяином, вышолз в ограду, олени были уже в нартах. Ворота стояли открытые. Мы понеслись по городу, ни на что не глядя, мечтая как можно скорее уехать домой. На нас кричали, нас пытались задержать, но мы ничего не слушали. В нас стреляли, и в конце города один олень у ехавшего с нами тунгуса упал. Он бросил своих оленей и пересел ко мне, и мы понеслись дальше. Ох, жалко оленя! — заплакал дед. — Енисейск, Енисейск! Да, товарищ, — старик снова вздохнул, — с тех пор мы больше там не бывали и бывать не хотим.

Когда старик закончил свой рассказ, ко мне подсел его сын и начал шептать мне на ухо, как будто боясь кого-то:

— Товарищ, когда я стоял с купцом у тюрьмы, то видел, как приводили много-много людей на плаху, ставили их на колени и рубили им головы. Купец радовался и сильно-сильно смеялся.

Наш разговор был прерван шумом у костров, вокруг которых теснились партизаны. Оказалось, что кто-то из них сломал рог у одного из тунгусских оленей.

Узнав об этом, я созвал собрание и разъяснил партизанам, что тунгусы такие же бедняки, как и мы, и так же ненавидят белых. О том, как они принимают нас, как делятся с нами всем, чем могут, партизаны знают. «Но партизаны, — сказал я, — должны знать, что наносить ущерб бедноте, как это сделал тот, кто обломал рога оленю, я не позволю».

Выступление мое одобрил весь отряд, и никаких недоразумений с тунгусами у нас больше не возникало.

Вскоре меня пригласили еще в один чум. Как и у дедушки Константина, он был полон тунгусами. В середине чума горел костер, а у костра сидела шаманка, как называли ее, бабушка Марья. Ее кожаный костюм был увешан бобрашниками из костей, изображавшими рыб, зверей и птиц. На полу перед старухой стоял большой барабан. При моем входе сидевшие тунгусы наклонили головы и пригласили сестр на приготовленную скамеечку.

Бабушка Марья, похожая в своем кожаном костюме на чудовище, заговорила, плохо выговаривая русские слова:

— Моя шаманит, узнавай, куда что делать, куда твоя идет. Я шаманю, и дедушка Константин шаманит тоже. Когда вы пришли, мы говорили людям: бояться не надо, люди добрые-добрые.

Видимо, в знак солидарности с ней тунгусы забормотали, мотая головой, и неожиданно затянули протяжную, заунывную песню.

Ударил барабан, забренчали навешанные на костюме бобрашники, и бабушка Марья в этом двухпудовом костюме стала то подпрыгивать, то припадать к земле, бормоча что-то непонятное, взвизгивая и причитая под пенье тунгусов.

В дверях чума толпились партизаны и, не спуская глаз с танцующей девятилетней бабушки Марьи, надрывались от хохота.

Колдовство продолжалось долго, и мне страшно надоело, но прервать его было неудобно. Наконец бабушка Марья упала и осталась лежать без движения. В чуме наступила тишина. Никто не пошелохнулся, пока старуха не пришла в себя и не встала.

Я вышел из чума. Было далеко за полночь. Небо было чистое, все усеянное звездами, погода тихая, воздух свежий, морозный...

Я разыскал лазарет и зашел проведать больных. Они все спали, за исключением одного тифозного. Он бредил. Я удивился, что больные лежали в тунгусских одеждах. Фельдшер объяснил мне, что эту одежду тунгусы подарили для больных. Выйдя из лазарета, я проверил посты и, укрывшись дохой, лег спать.

Утром, после смены караулов, я вызвал тунгусов, роздал им дробовое оружие, охотничьи припасы, подарил им два кавказских кинжала и обратился к ним с просьбой повезти наш

отряд на оленях, за что мы дадим еще оружия, припасов и продовольствия.

Тунгусы переглянулись, посоветовались с дедушкой и, когда он дал согласие, ушли за оленями.

Работа по подготовке к отъезду закипела.

В это время к чумам подехал на оленях какой-то закутаный в доху человек с большим тюком. Оказался он торговцем из Енисейска. Он развезал по тунгусским становищам и выменивал на дешевые безделушки дорогую пушнину.

Я арестовал его, созвал тунгусов, сказал им о том, что советская власть борется с эксплуатацией, и, отобрав у купца его товары, роздал их тунгусам, а ему велел немедленно возвращаться обратно. Тунгусы горячо благодарили меня.

К вечеру нарты для нас были запряжены, причем на каждого партизана приходилось по два оленя.

Перед отъездом я еще раз рассказал тунгусам, за что мы боремся, и часть из них выразила желание немедленно же примкнуть к нам. Я согласился.

Получив от нас винтовки, они тут же вступили в отряд.

Партизаны, сытно пообедав, рассевшись по нартам, с красным знаменем и песнями тронулись в путь.

На второй день в пути нас нагнал тунгус, посланный с Обь-Енисейского канала с пакетом на мое имя. Мне сообщили, что Омск пал, белые отступают в панике и в ближайшие дни вся Сибирь несомненно будет уже в руках красных.

Я решил проверить это извещение и послал команданта т. Дымовского с несколькими партизанами в Енисейск, а до получения его ответа мы решили ждать в тайге. Через несколько дней он вернулся и сообщил, что Омск действительно в руках красных и колчаковские войска настолько разложились, что никакой боевой силы уже не представляют.

В связи с этим наш поход терял всякий смысл. Я двинулся, надеясь оказаться полезным партизанскими действиями в тылу белых войск, стоящих на фронте против красных. Теперь же красные войска прорвали фронт и продвигались быстро вперед. Я решил, что моя задача впрямь до их подхода будет заключаться в налетах на отступающих белых, и поэтому, изменив маршрут, двинулся к Туруханску.

От Ярцева, в сторону Енисейска, я выслал на разведку пятьдесят партизан. Встретившийся им отряд белых, втрое превысивший их численностью, не принял боя, а поспешно отступил к Енисейску.

Неожиданное появление нашего отряда внесло окончательную деморализацию в ряды енисейского гарнизона и кол-

чаковской милиции, охранявшей Туруханский край.

Численность нашего отряда росла непрерывно за счет вступающих в него тунгусов, остяков, прибывавших к нам из тайги целыми партиями на оленях. Присоединяясь к нам, они добровольно отдавали своих оленей.

Деревня одна за другой переходили в наши руки. Всюду на телеграфе мы оставляли своих и, продвигаясь вперед, занимая новые деревни, знали, что делается у нас в тылу.

Мы подошли к селу Монастырскому, к центру Туруханского края. Мы знали, что там в тюрьме томится несколько человек, сочувствующих советской власти.

О нашем движении к Монастырскому колчаковцы были осведомлены, и поэтому вокруг всего села были вырыты окопы.

Мы начали атаку на Монастырское ночью, перейдя по льду Енисей и бросившись на белых в штыки.

Нас заметили тогда, когда мы были от окопов уже в пятидесяти шагах. Белые встретили нас залпами, но партизаны не дрогнули, и после короткого штыкового боя Монастырское было взято, а с ним и весь Туруханский край.

Организовав в селе исполком Туруханского края, наш отряд устроил торжественные похороны всех павших в этом селе за советскую власть, немного отдохнул и двинулся обратно.

В деревнях заметно бросалось в глаза перерождение населения. Всюду атели красные флаги с лозунгами: «Да здравствует власть советов», «Да здравствует Ленин», «Да здравствует РКП», всюду нас встречали с неподдельной радостью и благодарностью за освобождение от колчаковцев.

Мы продвигались очень быстро, так как почти все время ехали на оленях. Белые, узнав о нашем появлении в Туруханском крае, изменили направление своей эвакуации и отступали теперь не на Енисейск, а на Ангару.

За два дня до нашего прихода в Ворогово Енисейск был занят партизанами Бабкина и братьев Накладовых.

В Ворогове мы отпустили тунгусов обратно в тайгу, снабдив их оружием и припасами. Они были искренне благодарны нам за все, что мы для них сделали, и, прощаясь с нами, повторяли все время, что в случае надобности вся тунгусская беднота поголовно встанет в наши ряды.

Считая войну почти законченной, мы продвигались почти без предосторожностей.

В деревне Осиновке не успел я еще вылезти из саней, как ко мне подбежали несколько партизан и доложили, что на-

ша разведка поймала в деревне белых; они хорошо вооружены и выдают себя за какую-то советскую милицию.

Около дома, где находились арестованные, толпились партизаны.

Старший разведчик при моем входе в дом, где находились арестованные, проворчал:

— Попались, проклятые грачи, а все еще пытаются обмануть нас — какой-то советской милицией себя называют.

Войдя в комнату, я увидел несколько человек, прижавшихся в угол, раздетых и разутых. Прочитав их документы и выслушав их внимательно, я понял, что произошло недоразумение.

Арестованные — шесть человек — действительно оказались советской милицией, посланной из Красноярска в Туруханский край. Попросив у милиционеров извинения, я освободил их и выругал своих разведчиков.

Мы ехали на санях гуськом, с красными знаменами, с советскими лозунгами, растянувшись на версту и оставляя позади одну деревню за другой. А вслед за нами ехал наш обоз с трофеями: оружием, пушниной, рыбой и золотом красноярских, енисейских и туруханских купцов. Все ближе и ближе приближались мы к Енисейску.

Вот наконец и он. Нас торжественно встречают братья по оружию — красные партизаны.

Трофеи, ценности — а их было очень много — были нами сданы в совнархоз.

В Енисейске большинство отряда, насчитывавшего до трехсот пятидесяти человек, влилось в ряды Красной армии.

В Енисейске я узнал о судьбе тех товарищей из нашего отряда, которые остались в районе Поваренково — Тухтет. С моим уходом они разделились на несколько небольших отрядиков и самостоятельно, по мере своих сил, вели борьбу с белыми. С падением колчаковского фронта и с приходом красных в Мариинск и Боготол они влились в Красную армию.

На этом закончилась наша почти двухлетняя вооруженная борьба за власть советов.

Вечная память павшим и слава оставшимся в живых и продолжающим борьбу под руководством ВКП(б) и его ЦК за победоносное строительство социализма!

СВОБОДА